

Человек и Наставник

ПЬЕСА

Пьеса написана по мотивам Летописи
Серафимо-Дивеевского монастыря
и Житии Преподобного Серафима Саровского

Андрей Groшев

Андрей Грошев

Пьеса Человек и Наставник

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70531027

SelfPub; 2024

Аннотация

В 2019 году была представлена пьеса "Человек и Наставник", основанная на Летописи Серафимо-Дивеевского монастыря и Житии Преподобного Серафима Саровского. Произведение получило признание как в церковных кругах, так и среди читателей мировой литературы благодаря своему глубокому и увлекательному сюжету.

Содержание

Действующие лица:	7
Явление Первое. Наставление.	10
Явление Второе. Прибытие Мантурова.	11
Явление Третье. Генерал-лейтенант.	15
Явление Четвертое. Здоровье.	17
Явление Пятое. Генерал-лейтенант, раскаяние.	19
Явление Шестое. Самопроизвольная нищета.	22
Явление Седьмое. Благословение Господа заниматься Дивеевской общиной.	24
Явление Восьмое. Светская Жизнь.	27
Явление Девятое. Происшествие Змея.	29
Явление Десятое. Инок.	32
Явление Одиннадцатое. Прошение благословить в монастырь.	35
Явление Двенадцатое. Некие знатные люди.	37
Явление Тринадцатое. Кольшек.	39
Явление Четырнадцатое. Три года.	41
Явление Пятнадцатое. Кольшки.	43
Явление Шестнадцатое. МУРОМ.	45
Явление Семнадцатое. Зубная боль.	47
Явление Восемнадцатое. Дьявол и сила Креста.	49
Явление Деятнадцатое. Маленькая общинка.	51
Явление Двадцатое. Князь.	56

Явление Двадцать Первое. Нищета.	57
Явление Двадцать Второе. Церковь Рождества Христова.	59
Явление Двадцать Третье. Нужда.	61
Явление Двадцать Четвертое. План Батюшки.	63
Явление Двадцать Пятое. Анна Михайловна.	66
Явление Двадцать Шестое. Освещение Церкви Рождества Христова.	68
Явление Двадцать Седьмое. Воротилов.	71
Явление Двадцать Восьмое. Церковь Богородицы.	74
Явление Тридцатое. Покупка Земли.	78
Явление Тридцать Первое. Купчая.	81
Явление Тридцать Второе. Лампады.	82
Явление Тридцать третье. Земля Канавки.	85
Явление Тридцать Четвертое. Разговор сестёр.	88
Явление Тридцать Пятое. Поездка в Нижний Новгород. Освещение Храма Богородицы.	93
Явление Тридцать Шестое. о. Нифонт.	97
Явление Тридцать Седьмое. Владыка.	99
Явление Тридцать Восьмое. Ксения Михайловна.	101
Явление Тридцать Девятое. Архимандрит.	103
Явление Сороковое. Монахиня Серафима.	105
Явление Сорок Первое. Благословение Церкви Богородицы. Холера.	107

Явление Сорок Второе. Тихонов.	110
Явление Сорок Третье. Мантуров. Куприянов.	113
Явление Сорок Пятое. Имение.	116
Явление Сорок Шестое. Племянник.	118
Явление Сорок Седьмое. Смерть Елены Васильевны.	120
Явление Сорок Восьмое. Мотовилов.	123
Явление Сорок Девятое. Тихонов и Куприянов.	127
Явление Пятидесятое. Тихонов и братья.	129
Явление Пятьдесят Первое. Мантуров, Сестра и о. Серафим.	131
Явления Пятьдесят Третье. Земля.	134
Явление Пятьдесят Четвёртое. Бетлинг.	136
Явление Пятьдесят Пятое. Спор.	141
Явление Пятьдесят Шестое. Мантуров. Васильев.	145
Явление Пятьдесят Седьмое. Освещение.	149

Андрей Грошев

Пьеса Человек и Наставник

По мотивам летописи Серафимо-Дивеевского монастыря
священномученика Серафима (Чичагова)

25.01.2019

Действующие лица:

– Рассказчик – Мотовилов Николай Александрович

Главные Герои:

– Михаил Васильевич Мантуров – дворянин-помещик, владелец села Нуча Ардатовского уезда Нижегородской губернии (проходил военную службу в Лифляндии, там же женился на лютеранке Анне Михайловне Эрнц)

– Анна Михайловна Мантурова (Эрнц) – жена

Основные герои второго плана:

– Иван Тихонов

– Бетлинг

– Преосвященный Афанасий

– Владыка Иаков

– о. архимандрит Иоаким

– Воротилов Алексей Гурьевич

– о. Василий

Заняты одни и те же актеры:

Мужские роли:

– Помещик Караулов, Жданов Егор Иванович, Ефим Васильев, Знатный Человек, Великий князь

– Генерал-лейтенант, Протоиерей, 1-ый крепостной,
Знатный Человек

– о. Нифонт, Прокудин Алексей Неофитович, Инженер,
2-ой крепостной, Человек, Знатный Человек.

– Генерал Куприянов, игумен Георгий – Настоятель Нико-
ло-Барковской пустыни, бывший гостинник Саровской пу-
стыни Гурий, Племянник Княгини, Игумен, Доверенный
инок, Князь Енгальчев

Женские роли:

– Екатерина Егоровна, Сестра

– Прасковья Ивановна, Прасковья Степановна

– Ксения Васильевна, Крепостная девушка Устинья

– Домна Фоминична, старица Прасковья Ивановна (впо-
следствии монахиня Серафима), Соседка

– Анна Алексеевна, Елисавета Алексеевна Ушакова

– Феодосия Васильевна, Елена Кузьминична, Игуменья

Крестовоздвиженского женского монастыря – мать Доро-
фея.

Сцена. На переднем плане в левом углу Келья Преподоб-
ного о. Серафима.

В зале с начала и до конца спектакля во время всего дей-
ствия раздаются не громко звуки природы, пение птиц.

На протяжении всего действия Мотовилов находится на
сцене в левом углу в Келье Преподобного на переднем пла-

не. Мотовилов – рассказчик.

Явление Первое. Наставление.

Негромко звуки природы, пение птиц. На сцене в левом углу на переднем плане Мотовилов. Что-то рассматривает.

Мотовилов (голос добрый и тёплый, баритон): Преподобный Серафим советовал всегда иметь память о Боге и для сего непрестанно призывать в сердце имя Божие, повторяя молитву Иисусову: Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя грешнаго. «В этом да будет,— говорил он,— всё твоё внимание и обучение! Ходя и сидя, делая и в церкви до начала богослужения стоя, входя и исходя, сие непрестанно содержи на устах и в сердце твоём. С призыванием таким образом имени Божия ты найдёшь покой, достигнешь чистоты духовной и телесной и вселится в тебя Святой Дух, Источник всех благ, и управит Он тебя во святине, во всяком благочестии и чистоте».

Явление Второе.

Прибытие Мантурова.

Звуки природы, пение птиц.

На сцене в левом углу на переднем плане Мотовилов.

Мотовилов: Из родового имения, села Нуча, Ардатовского уезда Нижегородской губернии, к отцу Серафиму по совету близких и знакомых ехал дворянин-помещик Михаил Васильевич Мантуров, болезнь которого совсем одолела, приняв угрозу жизни.

На сцене появляются три человека. Двое крепостных людей ведут Мантурова.

Останавливаются.

1-й крепостной: Самые лучшие доктора оказались бесполезны, и надежды на медицинскую помощь и вовсе не было.

2-й крепостной: Осталось только обратиться к Господу и Его святой Церкви.

Мантуров: (обращается к залу) Молва о святой жизни бабюшки обошла всю Россию, что и говорить о селе Нучи, которое лежало всего в 40 верстах от Сарова.

Мотовилов: И вот когда дело стало совсем худо, и из ног стали выпадать кусочки костей, он приехал к батюшке Серафиму.

Михаил Васильевич стоит немного поодаль от Кельи, молится.

Мантуров (обращается к залу): «Что пожаловал, посмотреть на убогого Серафима?» – милостиво спросил меня Батюшка. Я упал ему в ноги. Исцели Батюшка, исцели от ужасного недуга, просил я его слёзно.

«Веруешь ли ты Богу?» – с живейшим участием и отеческою любовью спросил он.

«Верую», – искренне и горячо отвечал я.

«Веруешь ли ты Богу?» – снова спросил отец Серафим.

«Да, Батюшка, верую!» – слёзы текли у меня по щекам.

Он продолжал: «Веруешь ли ты Богу?»

«Верую, Батюшка, верую», – отвечал я, слова мои были полны уверения в безусловной вере в Бога.

На что отец Серафим отвечал: «Радость моя! Если ты так веруешь, то верь же и в то, что верующему всё возможно от Бога, а потому веруй, что и тебя исцелит Господь, а я, убогий Серафим, помолюсь».

Посадил он меня близ гроба, стоявшего рядом, а сам удалился. Вернулся, неся с собою святого елея.

Мантуров садится.

«Разденься, обнажи ноги», – приказал он мне, я поспешил выполнить.

Батюшка приготовился потереть ноги принесённым святым елеем и сказал:

«По данной мне от Господа благодати я первого тебя врачую!»

Помазал он мне ноги и надел на них чулки из посконного холста. Батюшка опять удалился и, вернувшись, принес большое количество сухарей, всыпал их мне в фалды сюртука, сказав;

«Так и иди с ношею в монастырскую гостиницу».

Мантуров встаёт.

Мотовилов: Михаил Васильевич, страшась, начал вставать, испуг замер на его лице, в мгновение на смену пришла невыразимая радость. Он мог стоять, ходить, как здоровый, никогда не болевший человек.

Мантуров: Батюшка, – вскричал я, – благодарю тебя за исцеления, и бросился ему в ноги. Он приподнял меня и строго сказал:

«Разве Серафимово дело мертвить и живить, низводить в ад и возводить? Что ты, батюшка! Это дело Единого Господа, Который творит волю боящихся Его и молитву их слуша-

ет! Господу Всемогущему, да Пречистой Его Матери даждь благодарение! Ступай».

На этом я и уехал.

Мантуров уходит.

Звуки природы, пение птиц.

На сцене в левом углу на переднем плане Мотовилов, прогуливается по сцене.

Явление Третье. Генерал-лейтенант.

Звуки природы, пение птиц.

На сцене в левом углу Келья, Мотовилов.

С другой стороны сцены выходит генерал-лейтенант.

Прогуливается. Осматривается.

Мотовилов: В Саров заслуженного генерал-лейтенанта привело любопытство, устав осматривать монастырские здания, он собирался отправиться в путь.

Выходит помещик Прокудин Алексей Неофитович.

Прокудин: Доброго дня, господин Генерал-лейтенант.

Генерал-лейтенант: И вам, милейший! Но, думается мне, мы уже простимся.

Прокудин: Уезжаете?

Генерал-лейтенант: Да, прощаюсь с монастырем, не получив для души своей никакого духовного дара (вздыхнул).

Прокудин: Позвольте узнать, какова была цель вашего визита?

Генерал-лейтенант: Любопытство.

Прокудин: Тогда не стоит спешить, господин генерал-лейтенант. Давайте зайдём к затворнику, старцу Серафиму.

Генерал-лейтенант: Вы думаете?!

Проскудин: Я уверен.

Генерал-лейтенант: Что же меня там ждёт? Я бы уже отправился в путь домой.

Проскудин: Не спешите.

Генерал-лейтенант: Но если вы настаиваете, извольте.

Проскудин: Я вас прошу.

Уходят.

Звуки природы, пение птиц.

На сцене в левом углу на переднем плане Мотовилов.

Явление Четвертое. Здоровье.

Звуки природы, пение птиц.

На сцене в левом углу на переднем плане молится в Келье Мотовилов.

На сцене Мантуров. Перекладывает, рассматривает книги.

Мотовилов: Михаил Васильевич и его сестра Елена Васильевна, которая была гораздо младше его, родились в семье титулярного советника Василия Мантурова. Они рано осиротели, заботы о воспитании сестры легли на Михаила.

Мантуров (обращаясь к залу): Моя дорогая сестрёнка, как ты сегодня? Всё грезишь? Светская жизнь и замужество должны радовать, а меня тревожат.

Входит А. М. Мантурова.

Анна Михайловна: Доброе утро! Сегодня прекрасный день. Особенно радостно видеть тебя в такой бодрости. И след простыл от такой тяжелой болезни.

Мантуров (садясь на стул): Какой ужас, как это было, я всё помню! И какая радость быть здоровым, ведь я совсем стал забывать о болезни.

Анна Михайловна (весело): Услышал Господь твои молитвы.

Мантуров: Да. Надо ещё раз съездить к отцу Серафиму, принять его благословение. Пойду собираться в дорогу.

Уходит. За ним уходит жена.

Звуки природы, пение птиц.

На сцене в левом углу в Келье на переднем плане Мотовилов.

Явление Пятое. Генерал-лейтенант, раскаяние.

Звуки природы, пение птиц.

На сцене в левом углу в Келье на переднем плане Мотовилов.

Выходят Прокудин и генерал-лейтенант. При их появлении Мотовилов поворачивается к ним.

Молчание.

Матовилов: Отец Серафим встретил генерала молча, поклонился ему в ноги. Генерал стоял удивленный, гордость его была поражена таким смирением.

Прокудин: (кланяется, отходит вглубь сцены).

Мотовилов: Батюшка и генерал-лейтенант остались одни.

Генерал подходит к Келье.

Мотовилов: Как уже было сказано, генерал был заслуженный, грудь его украшало неисчисляемое количество орденов.

Голос Мотовилова прервался.

В этот момент раздался плач генерала.

Падают фуражка и ордена.

Мотовилов: Плач доносился из кельи старца. Генерал плакал, точно малое дитя. Беседа их длилась около получаса, затем дверь отворилась, и отец Серафим вывел генерала под руки.

Генерал-лейтенант стоит. Плачет.

Подходит Прокудин. Поддерживает генерала.

Мотовилов: Закрыв лицо руками, он продолжал плакать. Ордена и фуражка были забыты им от горести у старца. Предание говорит, будто ордена свалились у него во время беседы сами собою. Отец Серафим вынес ордена, надел на генерала фуражку, сказав: «Это потому, что ты получил их незаслуженно».

Мотовилов поднимает фуражку, надевает на нее ордена и отдает Прокудину.

Прокудин поддерживает генерала.

Генерал-лейтенант (обращаясь к Прокудину): Я прошёл всю Европу. (молчание) Знаю множество людей разного рода, но в первый раз в жизни увидел такое смирение. Я ещё никогда не знал о той прозорливости, по которой передо

мною раскрыта вся моя жизнь до тайных подробностей.

Прокудин уводит генерала, держа фуражку.

Звуки природы, пение птиц.

Явление Шестое.

Самопроизвольная нищета.

Звуки природы, пение птиц.

На сцене в левом углу переднем плане в Келье Мотовилов.

Мотовилов: До болезни своей дворянин-помещик Мантуров служил в Лифляндии в военной службе. Там взял в жёны уроженку Лифляндии Анну Михайловну Эрнц. Пока длилась дорога до Сарова, Мантуров размышлял.

Выходит Мантуров.

Мантуров (обращается к залу): Ведь должен же я, как сказал батюшка, поблагодарить Господа. Только об этом и думал я в дороге. Батюшка встретил меня словами:

«Радость моя! А ведь мы обещались поблагодарить Господа, что Он возвратил нам жизнь-то!»

«Я и не знаю, чем и как; что же вы прикажете?!» – ответил я.

о. Серафим весело сказал мне:

«Вот, радость моя, всё, что ни имеешь, отдай Господу и возьми на себя самопроизвольную нищету!»

Молчание.

Мотовилов: Смутился Мантуров. Тысячи мыслей пробежали в голове, никак не ожидал он такого предложения со стороны великого старца. Вспомнился Михаил Васильевичу евангельский юноша, которому для совершенного пути в Царство Небесное Христос также предложил добровольную нищету. Михаил Васильевич думал и о том, что он не один, что имеет молодую жену и что, отдав всё, нечем будет жить.

Мантуров: Батюшка продолжал:

«Оставь всё и не пекись о том, о чём ты думаешь. Господь тебя не оставит ни в сей жизни, ни в будущей. Богат ты не будешь, хлеб же насущный будешь иметь».

«Согласен, батюшка! – сказал я – Что же благословите мне сделать?»

о. Серафим ответил:

"А вот, радость моя, помолимся, и я укажу тебе, как вразумит меня Бог!"

Мантуров уходит.

На сцене в левом углу в Келье на переднем плане Мотовилов.

Явление Седьмое. Благословение Господа заниматься Дивеевской общиной.

Звуки природы, пение птиц.

На сцене Мотовилов около сосны, лежащей с корнем.

Мотовилов: Пожаловал, как-то раз к Батюшке игумен Георгий.

Появляется игумен Георгий.

о. Георгий (обращается к залу): Застал я отца Серафима, как он перерубал сосну для дров, упавшую с корнем. Чем занят отец Серафим, спросил я. Батюшка ответил, мол, занимается Дивеевскою общиною.

(Молчание)

о. Георгий: Многие его за это зазирали. Для чего о них печётся? «Вот, – говорил батюшка, – просил Господа для уверения нашего, угодно ли ему, что ими занимаюсь? Если угодно Господу, то, в уверение того, чтобы это дерево преклони-

лось. На этом дереве, от корня аршина полтора вышины, заметка была вырублена крестом. Просил Господа сего уверения; вместе с тем, что если мы или кто о них попечётся, то будет ли угодно это Богу? Господь исполнил для нашего уверения: вот – дерево преклонилось». Почему Батюшка занимается ими? О них имел попечение за послушание старцев, строителя Пахомия и казначея Исаии, его покровителей; они о сёстрах обещались печься до кончины своей, а по кончине заповедали, чтобы Саровская обитель вечно не оставляла их. А за что? Когда строился холодный соборный храм, денег не было в обители. Тогда странствовала вдова полковника, имя ей Агафия; она пришла сюда, и с нею три рабыни единомышленные. Эта Агафия, возжелав спастись близ старцев, избрала местом спасения село Дивеево, тут поселилась и сделала пожертвование деньгами на устройство собора. Не знаю, сколько тысяч, но знаю только, что привезено было от неё три мешка денег: один был с золотыми, один – с серебряными, а третий – с медными, и были они полны оными-то деньгами. Собор и сооружён её усердием; вот, за что обещались о них вечно печься, и отцу Серафиму заповедали. Вот и нас просил: иметь о них попечение, ведь они жили тут двенадцать человек, а тринадцатая сама Агафия. Они трудились для Саровской обители, шили и обмывали бельё, а им из обители давали на содержание всю пищу; как у нас трапеза была, и у них такова же была. Это продолжалось долго, но батюшка игумен Нифонт это прекратил и отделил их

от обители; по какому случаю, не знаю! Батюшка Пахомий и Исаия пеклись о них, но никогда в их распоряжения не входили. Отец Серафим и то не распоряжался ими, и никому нет дороги ими распоряжаться.

Звуки природы, пение птиц.
о. Георгий уходит.

Явление Восьмое. Светская Жизнь.

Звуки природы. Пение птиц.

На сцене в левом углу на переднем плане в Келье Мотовилов.

Выходят Мантуров и супруга.

Мотовилов: Сестре Михаила Васильевича Елене Васильевне в 1822-м году едва минуло 17 лет, и она сделалась невестой, но жизнь Елены Васильевны как-то вдруг непонятно странно изменилась. Искренно и горячо любя жениха своего, она вдруг неожиданно его отвергла.

Мантуров: Не спокоен я. Свадьба расстроилась, веселый характер сестры, её любовь к светской жизни пугают меня.

Анна Михайловна: Молодость.

Мантуров: Эта общественная жизнь, веселье не предвещают ничего хорошего.

Анна Михайловна: Да, эти забавы до добра не доведут.

Мантуров: О духовном она, конечно, не имеет понятия.

Молчание.

Мантуров: (вздыхая) Жаль, что меня не было дома, когда

пришла весть о смерти дедушки. Давно мы потеряли его из виду.

А.М.Мантурова: Дедушка через газеты вас вызвал, хотел передать свое состояние. Елене пришлось ехать с дворовыми незамедлительно, чтобы проститься.

Мантуров: Не спокоен я, что сестре пришлось ехать одной.

Молчание.

Звуки природы, пение птиц.

Мантуров уходит.

Явление Девятое. Происшествие Змея.

На сцене в левом углу на переднем плане в Келье Мотовилов.

Анна Михайловна что-то делает.

Мотовилов: Михаил Васильевич тревожился за сестру. И с нетерпением ждал ее возвращения.

Выходит Мантуров.

Мантуров: Приехала, приехала.

Анна Михайловна: Как она? Ты в тревоге?!

Мантуров: Получив известие, недолго думая, она отправилась в дорогу, но уже не застала деда в живых и присутствовала только на похоронах. Потрясенная этим несчастьем, заболела горячкой и, как только немного окрепла, пустилась в обратный путь.

Анна Михайловна (вздыхнула).

Мантуров: В уездном городе Княгинине Нижегородской губернии пришлось остановиться на почтовой станции, она попросила напиться чаю. Послала распорядиться и осталась

ждать в карете.

Мантуров замолчал.

Мантуров: Оставаясь одна в карете, она немного вздремнула, и когда открыла глаза, то никого по-прежнему не было рядом с ней. Наконец вздумала выйти и сама открыла дверцу кареты, но лишь ступила на подножку, невольно почему-то взглянула вверх и увидела над своей головой огромного, страшного змия. Он был черен и страшно безобразен, из пасти его извергалось пламя, и пасть эта казалась такой большой, что девушка чувствовала, что змий вот-вот поглотит её. Видя, как змий вьётся над ней и спускается все ниже и ниже, даже ощущая дыхание его, она в ужасе не имела сил позвать на помощь, но, наконец, вырвалась из охватившего оцепенения и закричала: «Царица Небесная, спаси! Даю Тебе клятву никогда не выходить замуж и пойти в монастырь!» Страшный змий в одну секунду взвился вверх и исчез. Но не могла она прийти в себя от ужаса...

Молчание.

Мотовилов: Михаил Васильевич долго не мог опомниться от случившегося с его сестрой, а Елена Васильевна, как бы чудно спасенная от врага человечества, совершенно изменилась в характере. Она сделалась серьезная, духовно на-

строенная, и стала читать священные книги. Мирская жизнь стала ей невыносима, и она жаждала поскорее уйти в монастырь, чтобы совсем затвориться в нём, страшась гнева Матери Божией за неисполнение данного ею обета.

Уходят.

Звуки природы, пение птиц.

На сцене в левом углу на переднем плане в Келье Мотовилов.

Явление Десятое. Инок.

Звуки природы, пение птиц.

На сцене в левом углу на переднем плане в Келье Мотовилов.

Выходит доверенный инок, кланяется.

Мотовилов (поворачивается к Иноку): Пришел однажды к отцу Серафиму доверенный инок.

Инок: Встретил Батюшка меня радостно и сказал:

«Вот, я тебе скажу об убогом Серафиме! Я усладился словом Господа моего Иисуса Христа, где Он говорит: «В дому Отца Моего обители мнози суть». На этих словах Христа Спасителя я, убогий, остановился и возжелал видеть оные небесные обители и молил Господа моего Иисуса Христа, чтобы Он показал мне эти обители; и Господь не лишил меня, убогого, Своей милости. Он исполнил моё желание и прошение. Я и был восхищен в эти небесные обители, только не знаю, с телом или кроме тела – Бог вещь, это непостижимо. А о той радости и сладости небесной, которую я там вкусил, сказать тебе невозможно».

Инок замолчал.

Мотовилов: Батюшка поник головою, глядя тихонько рукою против сердца, лицо его стало постепенно меняться и, наконец, до того просветилось, что невозможно было смотреть на него. Во время таинственного своего молчания он как будто созерцал что-то с умилением.

Инок: Стоял я не подвижно, замер и внимательно слушал, а батюшка Серафим говорил мне:

«Ах, если бы ты знал, какая радость, какая сладость ожидает душу праведного на небеси, то ты решился бы во временной жизни переносить всякие скорби, гонения и клевету с благодарением. Если бы самая эта келия наша (при этом он показал на свою келию) была полна червей, и если бы эти черви ели плоть нашу во всю временную жизнь, то со всяким желанием надобно бы на это согласиться, чтобы только не лишиться той небесной радости, какую уготовил Бог любящим Его. Там нет ни болезни, ни печали, ни воздыхания, там сладость и радость неизглаголаннные, там праведники просветятся, как солнце. Но если той небесной славы и радости не мог изъяснить и сам святой Апостол Павел, то какой же другой язык человеческий может изъяснить красоту горнего селения, в котором водворяются души праведных».

Молчание.

Инок: В конце своей беседы, старец говорил о том, как необходимо теперь тщательнейшим образом заботиться о

своём спасении, пока не прошло ещё благоприятное время.

Инок уходит.

Звуки природы, пение птиц.

Явление Одиннадцатое. Прощение благословить в монастырь.

Негромко звуки природы, пение птиц.

На сцене в левом углу на переднем плане в Келье Мотовилов.

Мотовилов (обращается к залу): Вскоре Елена Васильевна поехала в Саров к батюшке Серафиму просить благословения на поступления в монастырь. Серафим встретил её, сказав: «Нет, матушка, что ты это задумала! В монастырь – нет, радость моя, ты выйдешь замуж!»

Испугалась Елена Васильевна. Ни за что не хотела она замуж, не могла, ведь дала она обещание Царице Небесной идти в монастырь.

Но отец Серафим настаивал – отчего же не выйти замуж?! Жених будет хороший, благочестивый, и все завидовать будут! Елена Васильевна не могла понять, что это такое говорит батюшка. Но Серафим был непреклонен, говоря, что иначе никак нельзя, должна и непременно выйдешь!

Молчание.

Мотовилов: Елена Васильевна уехала недовольная, разгорченная и, вернувшись домой, много молилась, плакала, просила у Царицы Небесной помощи и вразумления. Еще с большим рвением принялась она за чтение творений святых отцов. Чем больше она плакала и молилась, тем сильнее разгоралось в ней желание посвятить себя Богу. Много раз проверяла она себя и все более и более убеждалась, что всё светское, мирское ей не по духу, и она совершенно изменилась.

Негромко звуки природы, пение птиц.

На сцене в левом углу на переднем плане в Келье Мотовилов.

Явление Двенадцатое. Некие знатные люди.

Негромко звуки природы, пение птиц.

На сцене в левом углу на переднем плане в Келье Мотовилов.

Рассказчик: В качестве посетителей к Батюшке являлись и знатные государственные люди.

Выходят три человека. Богато одетые, в орденах и медалях. Один из них – в военной форме.

Мотовилов: Отец Серафим относился к ним с должной честью и с христианской любовью и, беседуя с ними в таком духе, обращал внимание на важность их сана.

1 знатный: Батюшка дал наставления быть верными святой Православной Церкви, своему природному государю и отечеству.

2 знатный: Указал на знаки отличия, украшающие грудь, напоминал о Христе Иисусе, ради спасения нашего распятом на кресте.

3 знатный: Знаки сии должны служить нам живой про-

поведью об обязанности – быть всегда готовыми жертвовать всем, даже, если нужно, самую жизнь, для блага родины и Церкви.

Молчание.

Мотовилов: Более же всего, Батюшка просил охранять великую, святую православную, католическую Церковь, сильно колеблемую и внешними бедствиями, и суетными мудрованиями века. Этого ждет народ русский, к тому должны побуждать совесть, для сего избрал и возвеличил государь, к этому обязывает святая Церковь и Сам Господь Бог, её основатель и хранитель.

Уходят.

Негромко звуки природы, пение птиц.

Явление Тринадцатое. Колышек.

Негромко звуки природы, пение птиц.

На сцене в левом углу на переднем плане в Келье Мотовилов, что-то делает.

Выходит Мантуров.

Мантуров: По благословению отца Серафима я продал своё имение, отпустил на свободу крепостных людей своих и, сохранив до времени деньги, купил 15 десятин земли в Дивееве, на указанном батюшкой месте, со строжайшею заповедью: хранить эту землю, никогда не продавать, никому не отдавать её и завещать после смерти своей Серафимовой обители.

Мотовилов: На этой земле Михаил Васильевич поселился с женою и стал терпеть недостатки. Неудивительно, что он стал наивернейшим учеником Серафима и ближайшим, любимейшим его другом. Батюшка Серафим, говоря о нём с кем бы то ни было, называл его не иначе, как "Мишенька", и всё, касающееся устройства Дивеева, поручал только ему одному. Все знали это и свято чтили Мантурова, повинуюсь ему во всём беспрекословно.

Мотовилов подходит к Мантурову.

Дает ему колышек.

Мотовилов: Шёл 1823-й год. Однажды потребовал к себе батюшка Серафим Михаила Васильевича.

Мантуров (обращаясь к залу): Отец Серафим поклонился в ноги и велел мне ступать в Дивеево. Встать там напротив самого среднего алтарного окна Казанской церкви, отсчитать столько-то шагов (число забыто), а как отсчитаю их, тут будет межка. Вот от неё ещё отсчитать столько-то шагов (число забыто), и придёт пахотная земля. Потом отсчитать еще столько-то шагов (число забыто), и придёт луговина. Тут, как приду, по глазомеру рассчитать, где придётся самая серединка, да в серединке-то самой этот колышек и вбить, чтобы хоть немного, а видно бы его было.

Мотовилов: Поехал Михаил Васильевич в Дивеево и, очутившись на указанном батюшкой заглазно месте, пришел просто в ужас от удивления. Это было только поле, и все его шаги сошлись с батюшкиными размерами. Когда Михаил Васильевич вернулся с докладом к батюшке, то отец Серафим опять молча поклонился ему в ноги, и был необыкновенно радостен и весел.

Мантуров уходит.

Звуки природы, пение птиц.

Явление Четырнадцатое. Три года.

Негромко звуки природы, пение птиц.

На сцене прогуливается Мотовилов.

Мотовилов: Несколько раз Елена Васильевна ездила к ба-
тюшке Серафиму, и он всё твердил одно, что она должна
выйти замуж, а не идти в монастырь. Так целых три года го-
товил её Серафим к предстоящей перемене в жизни и к по-
ступлению в Дивеевскую общину, которую он начал устраи-
вать в 1825-м году. Он заставлял Елену Васильевну работать
над собою, упражняться в молитве и приобретать необходи-
мое терпение. Она, конечно, этого не понимала. Невзирая
на её просьбы, желание и мольбы Елены Васильевны, отец
Серафим однажды сказал ей: «Когда будешь в тягостях-то,
так не будь слишком на всё скоро. Ты слишком скоро, ра-
дость моя, а это не годится, будь тогда ты потише. Вот как
ходить-то будешь, не шагай так-то, большими шагами, а всё
потихоньку да потихоньку! Если так-то пойдешь, благопо-
лучно и снесешь!»

Мотовилов показал при этом видимым примером, как
должно ходить осторожно.

Мотовилов: «Также и поднимать, если что случится, не надо так вдруг, скоро и сразу. А вот так, сперва понемногу нагибаться, а потом точно так же всё понемногу же и разгибаться».

Снова видимым примером показал.

Мотовилов: Батюшка Серафим продолжал: «Тогда благополучно снесёшь!»

Этими словами старец довел Елену Васильевну до отчаяния. Сильно негодуя на него, она решила не обращаться к нему и съездить в Муром, в женский монастырь.

Негромко звуки природы, пение птиц.

Явление Пятнадцатое. Колышки.

Негромко звуки природы, пение птиц.

На сцене Мотовилов.

Мотовилов: Целый год старец ничего не вспоминал о колышке и отмеренном поле в Дивееве, так что Михаил Васильевич, ровно ничего не зная и не понимая в серафимовой притче, порешил, что тот забыл уже про своё повеление. Но вдруг батюшка потребовал Михаила Васильевича к себе.

Входит Мантуров.

Мантуров подходит к Мотовиллову.

Мотовилов дает ему 4 небольших колышка.

Мантуров: Старец поклонился в ноги и отправил меня опять туда же в Дивеево, на то место, где, в прошлый год вбил колышек, и там, по равному же размеру, по четырем углам, около большого-то колышка, и вбить эти четыре. А чтобы как-либо не затерялись они, взять камешков, да и положить на них по кучке, чтобы после не спутаться, а заметно бы место их было!

Мотовилов: Мантуров в точности все исполнил, вернулся с докладом к батюшке. Отец Серафим опять молча, но весе-

ло и радостно встретил его и поклонился ему в ноги. Терялся Михаил Васильевич в догадках, что это всё значило, и что должно совершиться, а спросить не осмеливался. Наконец, в 1826-м году на этом самом месте возникла мельница – питательница дивеевских сирот.

Негромко звуки природы, пение птиц.

Явление Шестнадцатое. МУРОМ.

Негромко звуки природы, пение птиц.
На сцене Мотовилов и Мантуров.

Мотовилов: В Муроме Елене Васильевне, игуменья, конечно, сказала только приятное, и она тотчас купила себе в Муромском монастыре келью. По возвращении домой она стала совсем уже собираться, прощаться, но перед окончательным отъездом все-таки не вытерпела и отправилась в Саров проститься со старцем Серафимом. Батюшка встретив её, сказал:

«Нет тебе дороги в Муром, матушка, никакой нет дороги, и нет тебе и моего благословения! И что это ты? Ты должна замуж выйти, и у тебя преблагочестивейший жених будет, радость моя!»

Мантуров: Прозорливость старца, доказавшая его святость, обезоруживала каждого приходящего к нему и действовавшего по своей воле.

Молчание.

Мотовилов: Сердце Елены Васильевны невольно привязывалось к Батюшке. Чувствовала, что без него всё-таки

нельзя жить, тем более что в Муроме не у кого будет и спрашивать наставления и совета. Послушала она совета старца, пожертвовала Муромскому монастырю данные за келью деньги и не поехала больше туда. Елена Васильевна на этот раз не почувствовала отчаяния, а, напротив, вполне смирилась и возвратилась домой, заливаясь слезами.

Мантуров: Она опять заперлась в свою комнату, из которой почти не выходила уже целых три года, проводя в ней жизнь отшельника, отрешённая от всего и всех. Что она делала в своей комнате и как молилась, никому не было известно.

Мантуров уходит.

Негромко звуки природы, пение птиц.

Явление Семнадцатое.

Зубная боль.

Негромко звуки природы, пение птиц.

На сцене прогуливается Мотовилов.

Мотовилов: Батюшка Серафим постоянно исцелял своих сирот от разных болезней.

На сцене Ксения Кузьминична и ее соседка. Заняты какими-то делами.

Ксения Кузьминична: Ой, матушка, страдала я зубной болью, от которой не спала ночи.

Соседка: Да что ты такое говоришь.

Ксения Кузьминична: Ничего не ела и изнемогала, так как приходилось мне днём работать. Сил моих уже не было.

Соседка: Ужас какой!

Ксения Кузьминична: Сказали обо мне старшей сестре Прасковье Семёновне, о моей боли невероятной. Она послала меня к батюшке Серафиму. Как только он меня увидел, то и говорит: «Что это ты, радость моя, давно ко мне не пришла! Пойди к отцу Павлу, он тебя исцелит». А я подумала:

«Что это? Разве он сам не может меня исцелить?» Но возражать не смела. Я отыскала отца Павла и сказала ему, что меня послал к нему батюшка. Он туго-натуго (показывает на подруге) сжал мне лицо обеими руками и несколько раз провёл по щекам. И зубы затихли, как рукой сняло.

Соседка: Чудо, матушка, чудо!

Уходят.

Звуки природы, пение птиц.

Явление Восемнадцатое. Дьявол и сила Креста.

Негромко звуки природы, пение птиц.

Мотовилов что-то делает возле кельи.

Мотовилов: Неожиданный случай убедил Михаила Васильевича и всех живущих в доме, насколько Елена Васильевна трудилась уже на пути духовного совершенства.

Слышен страшный гром.

Раздается совершенно неестественный и отвратительный крик, как бы кошки.

Входят Мантуров и Анна Михайловна.

Анна Михайловна: Вот такая наша сестра.

Мантуров: Да. Говорит: «Не бойтесь, братец! Чего испугалась, сестрица? Ведь это дьявол!»

Молчание.

Анна Михайловна: Сотворила знамение креста на том самом месте, откуда был слышен крик.

Мантуров: Вот и нет его: разве он что-либо может!

Наступила полная тишина.

Анна Михайловна уходят.

Негромко звуки природы, пение птиц.

Явление Девятнадцатое.

Маленькая общинка.

Негромко звуки природы, пение птиц.

На сцене прогуливается Мотовилов.

Мантуров.

Мотовилов: Через полгода после последнего свидания с отцом Серафимом Елена Васильевна опять поехала в Саров. Она стала неотступно, но смиренно просить старца благословить её на подвиг монашества.

Мантуров: Просила сестра благословения Батюшки. Старец выслушал её, и сказал: «Ступай, коли уж тебе так хочется, за 12 верст есть маленькая общинка матушки Агафьи Семеновны, полковницы Мельгуновой, погости там и испытай себя!»

Мотовилов: Елена Васильевна в неизреченной радости и неопisanном восторге поехала из Сарова прямо к матушке Ксении Михайловне и совсем поселилась в Дивееве. За теснотой помещения Елена Васильевна заняла крошечный чуланчик около маленькой кельи, которая выходила крылечком к западной стене Казанской церкви. Часто на этом крылечке сживала подолгу молча Елена Васильевна, погружен-

ная будто в думу и в немом созерцании храма Божия и премудро созданной окружающей природы, не переставая умом и сердцем упражняться в Иисусовой молитве. Ей было тогда 20 лет от роду. Через месяц после переезда Елены Васильевны в Дивеево её потребовал к себе батюшка Серафим.

Мантуров: Батюшка сказал сестре: «Теперь, радость моя, пора уже тебе и с женихом обручиться!» Испугалась она, зарыдала и воскликнула, что не хочет замуж!

Мотовилов: Всё ещё не понимала Елена Васильевна Батюшку. Говорил он ей: «Ты только скажи начальнице-то, Ксении Михайловне, что Серафим приказал с Женихом тебе обручиться, в черненькую одёжку одеться... Ведь вот как замуж-то выйти, матушка! Ведь вот какой Жених-то, радость моя!»

Молчание.

Мантуров: Сказал батюшка Серафим сестре: «Матушка! Виден мне весь путь твой боголюбивый! Тут тебе и назначено жить, лучше этого места нигде нет для спасения; тут матушка Агафья Семёновна в мощах почивает; ты ходи к ней каждый вечер, она тут каждый день ходила, и ты подражай ей также, потому что тебе этим же путём надо идти, а если не будешь идти им, то и не можешь спастись. Ежели быть львом, радость моя, то трудно и мудрено, я на себя возьму. Но будь голубем, и все между собою будьте как голубки. Вот

и поживи-ка ты тут три-то года голубем; я тебе помогу. Вот тебе на то и моё наставление: за послушание читай всегда Акафист, Псалтирь, псалмы и правила с утренею отправляй. Сиди да пряди, а пусть другая сестра тебе всё приготавливает, треплет лен, мыкает мочки, а ты только пряди и будешь учиться ткать, пусть сестра сидит возле тебя да указывает. Всегда будь в молчании, ни с кем не говори, отвечая только на самые наинужнейшие вопросы, и то «аки с трудом», а станут много спрашивать, отвечай: Я не знаю! Если случайно услышишь, что кто бесполезное между собою говорит, скорее уходи, дабы не вникнуть во искушение. Никогда не будь в праздности; оберегай себя, чтобы не пришла какая мысль, всегда будь в занятии. Чтобы не впасть в сон, употребляй мало пищи. В среду и пяток вкушай только раз. От пробуждения до обеда читай: Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй меня грешную! А от обеда до сна: Пресвятая Богородица, спаси нас! Вечером выйди на двор и молись 100 раз Иисусу, 100 раз Владычице и никому не сказывай, а так молись, чтобы никто того не видал, даже бы и не подумал, и будешь ты аки Ангел! И пока Жених твой в отсутствии, ты не унывай, а крепись лишь и больше улыбайся; так молитвою, вечно-неразлучною молитвою и приготавливай всё. Он и придёт ночью тихонько и принесёт тебе кольцо, перстенёк, как Екатерине-то, великомученице матушке. Так вот три года и приготавливайся, радость моя, чтобы в три года всё у тебя готово бы было. О, какая неизреченная радость-то тогда

будет, матушка! Это я о пострижении тебе говорю, матушка. Через три года постригайся, приуготовив себя, ранее не нужно, а как пострижёшься-то, то будет у тебя в груди благодать воздыматься все более и более, а каково будет тогда! Когда Архангел Гавриил, представ пред Божией Матерью, благовестил Ей, то Она немного смутилась и тут же сказала: «Се раба Господня! Буди Мне по глаголу твоему!» Тогда вот и ты скажи также: «Буди мне по глаголу Твоему!» Вот о каком браке и Женихе я тебе толкую, матушка; ты слушай меня и никому до времени того не говори, но верь, что всё, мною реченное тебе, сбудется, радость моя!»

Мотовилов: Не помня себя от радости, Елена Васильевна возвратилась домой, в Дивеево, и, надев всё монашеское, простое, начала с живейшей любовью нести прежние свои подвиги, пребывая в непрестанной молитве, в постоянном созерцании и совершенном молчании. Так как маленькая келья её была беспокойна, переполнена сёстрами, то батюшка Серафим благословил Михаила Васильевича Мантурова построить ей другую, также небольшую келью, в которой она и поселилась со своей крепостной девушкой Устиньей, чрезвычайно любившей её. После смерти Устиньи с Еленой Васильевной жили две послушницы – Агафья и Ксения Васильевна.

Мантуров уходит.

Негромко звуки природы, пение птиц.

На сцене прогуливается Мотовилов.

Явление Двадцатое. Князь.

Негромко звуки природы, пение птиц.

На сцене прогуливается Мотовилов.

Выходит Князь.

Мотовилов: В 1825 или 1826 году великий князь Михаил Павлович, посетив инкогнито Саровскую обитель, в проезд через Тамбов и Пензу, также заходил к старцу Серафиму и принял от него благословение.

Князь уходит.

Мотовилов: После исцеления Михаила Васильевича Мантурова старец Серафим начал принимать других посетителей и, верный обещанию, данному отцу Пахомию, не забывал Дивеевской общины. Он посылал некоторых послушниц к начальнице Ксении Михайловне и, ежедневно молясь о них, получал откровения о будущем этой общины.

Негромко звуки природы, пение птиц.

На сцене Мотовилов.

Явление Двадцать Первое. Нищета.

Негромко звуки природы, пение птиц.

На сцене прогуливается Мотовилов.

Мотовилов: Всё совершил Михаил Васильевич Мантуров по Благословиению батюшки. Продал своё имение, отпустил на свободу крепостных людей, сохранил деньги, купил в Дивееве 15 десятин земли на указанном ему отцом Серафимом месте. Помнил он строжайшую заповедь: хранить эту землю, никогда не продавать, никому не отдавать её и завещать после смерти своей Серафимовой обители. На этой земле и жил Михаил Васильевич с женою, терпя недостатки.

Выходят М.В. Мантуров и А.М. Мантурова.

Анна Михайловна: Ты не устал от насмешек?

Мантуров: (молчит)

Анна Михайловна: Ты посмотри, все знакомые, друзья смеются над нами.

Мантуров: (молчит)

Анна Михайловна: Как же нам жить? Что же ты наделал?

Как ты мог обречь нас на нищету?

Мантуров: (молчит)

Анна Михайловна: Ладно себя, твоё дело, меня-то за что?
(машет рукой)

Анна Михайловна уходит. Мантуров остается один.

Мантуров: Дорогая Аннушка, лютеранка, вовсе не подготовленная к духовным подвигам молодой женщины. Не терпишь бедности, характер нетерпелив и горяч, хотя хороший и честный.

Мотовилов: Всю жизнь свою чудесный Михаил Васильевич Мантуров, истинный ученик Христов, терпел унижения за свой евангельский поступок. Но он переносил всё безропотно, молча, терпеливо, смиренно, кротко, с благодушием, по любви и необычайной вере своей к святому старцу, во всём беспрекословно его слушаясь, не делая шага без его благословения, как бы предав всего себя и всю жизнь свою в руки отца Серафима.

Мантуров подходит к келье. Молится.

Негромко звуки природы, пение птиц.

На сцене прогуливается Мотовилов.

Явление Двадцать Второе. Церковь Рождества Христова.

Негромко звуки природы, пение птиц.

На сцене прогуливается Мотовилов.

Мантуров.

Мотовилов: 9-го декабря 1826-го года в Дивеевской общине по приказанию отца Серафима состоялась закладка мельницы, а летом, 7-го июля, она замолола. Михаил Васильевич постоянно приходил к Батюшке за приказаниями и распоряжениями. Так было и в 1827-м году.

Мантуров: Батюшка призвал меня и сказал: «Радость моя! Бедная-то общинка наша в Дивееве своей церкви не имеет, а ходить-то им в приходскую, где крестины да свадьбы, не приходится, ведь они девушки. Царице Небесной угодно, чтобы была у них своя церковь к паперти же Казанской церкви пристроена, так как паперть эта достойна алтаря, батюшка! Ведь матушка Агафья Семеновна, стоя на молитве, всю токами слез своего смирения омыла её. Вот, радость моя, и выстрой ты храм этот Рождеству Сына Её Единородного сиротам моим!»

Мотовилов: У Михаила Васильевича Мантурова храни-

лись в неприкосновенности деньги от продажи имения, которые батюшка приказал спрятать до времени. Теперь настал час Михаилу Васильевичу отдать всё своё достояние Господу, и такие деньги были, несомненно, угодны Спасителю мира. Следовательно, церковь Рождества Христова создавалась на средства человека, принявшего на себя добровольно подвиг нищенства.

Мантуров: Получив благословение батюшки, я тотчас приступил к хлопотам о разрешении постройки и по приготовлению материалов, на что требовалось в такой глухой местности много времени.

Негромко звуки природы, пение птиц.

Явление Двадцать Третье. Нужда.

Негромко звуки природы, пение птиц.

На сцене прогуливается Мотовилов.

Мантуров.

Выходит Анна Михайловна.

Мотовилов: До какой степени доходила нужда и что переживали Мантуровы, неся крест добровольной нищеты, можно судить по записанному рассказу самой Анны Михайловны, когда она жила в Дивееве вдовою и тайною монахиней.

Анна Михайловна: Как можно было обречь нас на производную нищету?

Михаил Васильевич Мантуров: (слушает, вздыхает и молчит)

Анна Михайловна: Ну можно почитать старца, можно любить его и верить ему, да уже не до такой степени...

Михаил Васильевич: (слушает, вздыхает и молчит)

Анна Михайловна: Мы до того уже дошли, что нечем осветить комнату. Зима, вечера длинные, тоскливые, темные.

Мотовилов: Раздосадовалась, разворчалась, расплакалась без удержу Анна Михайловна, сперва вознегодовала на Ми-

хаила Васильевича, потом на самого батюшку Серафима, начала роптать и жаловаться на горькую судьбу свою.

Анна Михайловна вскидывает руки.

Михаил Васильевич сидит, молчит, вздыхает.

ТРЕСК

Пустая, без масла лампада у образов вдруг осветилась белым огоньком и оказалась полною еляя.

Анна Михайловна: Боюсь смотреть...глазам своим не верю.

Анна Михайловна залилась слезами.

Анна Михайловна: Батюшка Серафим, угодник Божий, прости меня, Христа ради, окаянную, роптунью, недостойную, никогда более не буду!

Мотовилов: С тех пор Анна Михайловна никогда не позволяла себе роптать, и как трудно ни бывало, а всё терпела.

Негромко звуки природы, пение птиц.

Явление Двадцать Четвертое. План Батюшки.

Негромко звуки природы, пение птиц.

На сцене Мотовилов, Мантуровы.

Выходит протоиерей о. Василий Садовский.

Мотовилов: О дальнейшей судьбе Дивеева батюшка Серафим говорил во время построения Рождественского храма Елене Васильевне, Михаилу Васильевичу и Анне Михайловне Мантуровым, протоиерею Василию Садовскому и ещё многим старицам.

Мантуров: Отец Серафим сказал, что ещё не было и нет примеров, чтобы были женские лавры, а у него, убогого Серафима, будет в Дивееве лавра, Лавра-то будет кругом, то есть за канавкой, в обители матушки Александры, потому что как она была вдова, то у ней могут жить в обители и вдовы, и жены, и девицы, а киновия будет только в канавке, и так как он, убогий Серафим, был девственник, то и в обители его будут одни лишь девицы.

о. Василий: Выстроится большой, холодный собор, будет и тёплый. Эта Казанская церковь и место всё будет монастырское, прихожанам дадут другое место, а так Казанская

церковь, как есть, и Рождественская, как есть, останутся как бы в центре, а кругом неё ещё много места захватят приделами другими, и из неё большой тёплый собор выйдет, и большая это будет пристройка наподобие Иерусалимского храма. С левой стороны Рождественской церкви будет непременно придел во имя Михаила Архангела. Каменная ограда как есть, так и останется, только Казанская церковь войдет в ограду, и стена продолжится вплоть до берега речки Вичкинзы, где, пройдя немного берегом, пойдет к западу, и тут, как раз против дома Мишеньки (смотрит на Михаила Васильевича), выстроится колокольня, и будут под ней святые ворота. Кругом обоих соборов будут каменные корпуса в следующем порядке. Так и говорил нам Батюшка.

Уходят Анна Михайловна и протоиерей о. Василий Садовский.

Мотовилов: Батюшка даже набросал первоначальный план, который, сохраненный в подлиннике, вставлен в рамку и хранится у игуменьи Марии.

Мантуров подходят к обрубку.
Встают на колени.

Мантуров: Этот план батюшка писал в своей келье, на обрубке, что служил ему стулом, писал со мной, стоя на коленах.

ках. «С юга, против собора Святой Троицы, – говорил старец, – будет корпус треугольником; в этом корпусе одна из царского роду жить будет, батюшка. С севера собора Святой Троицы, напротив его, точно такой же треугольником корпус, должен быть трапезной. Возле жилого треугольного корпуса с юга же корпус начальнический, правильным продолговатым четырехугольником. Напротив его с севера точно таким же правильным продольным четырехугольником должен быть корпус клиросный. С юга против Казанского собора, рядом с начальническим корпусом, такой же продольный четырехугольный корпус – просто жилой. С севера против Казанского собора и напротив жилого такой же точно продольный четырехугольный корпус, и тоже просто жилой. Опять с одной стороны корпус правильным треугольником, которого половина будет окнами в ограду, это будет жилая монастырская половина, а другая, отделенная стеной, окнами наружу, за ограду, будет служить гостиницей. С другой стороны, напротив, точно такой же треугольный корпус, разделенный надвое и для того же употребления. Вот так-то у нас всё и устроится, – говорил Батюшка, – И лавра, и кино-вия у убогого Серафима в обители-то будет!»

Негромко звуки природы, пение птиц.

Мантуров уходит.

Явление Двадцать Пятое. Анна Михайловна.

Негромко звуки природы, пение птиц.

На сцене прогуливается Мотовилов.

Мотовилов: Анна Михайловна Мантурова, жена Михаила Васильевича, сообщила много фактов из жизни батюшки Серафима и своего мужа. Между прочим, она рассказывает, как батюшка научил её читать по-славянски.

Выходит Анна Михайловна.

Анна Михайловна: (обращается к залу) Сказал мне Батюшка, читай, Матушка, читай жизнь преподобной Матроны и подражай ей! Да ведь я не умею читать по-славянски, отвечала я.

Мотовилов: Почти каждый раз, как Анна Михайловна бывала у Батюшки, он ей говаривал, твердил.

Анна Михайловна: Батюшка повторял, читай, матушка, читай преподобную Матрону. А как? Да я ведь не умею. Читай, наставлял Батюшка.

Анна Михайловна отходит.

Садится, берет книгу.

Читает.

Анна Михайловна: (обращается в зал) Диковинное дело, я немка природой, по-русски то плохо читаю, по-славянски же никогда не читала, стала читать, да притом как легко, точно учёная, сама собою, не иначе как батюшкиными молитвами. Что-нибудь, бывало, в каком-нибудь сокращении, и потом не знаю почему, вдруг мне покажется, что это не так я читаю или выговариваю, а вот как надо, поправлюсь сама собою, скажу, и выйдет действительно так. Вот таким-то образом и выучил меня читать Батюшка по-славянски, а без него я бы, может быть, и теперь ещё не знала, как читать.

Уходит.

Негромко звуки природы, пение птиц.

Явление Двадцать Шестое. Освещение Церкви Рождества Христова.

Негромко звуки природы, пение птиц.

На сцене прогуливается Мотовилов.

Мотовилов: В 1829-м году церковь эта была уже готова, что поистине замечательно. Церковь во имя Рождества Христова, а освящалась в день Преображения Господня. Так пожелал батюшка Серафим, которому представили все препятствия к выполнению этого желания, так как: нет того положения, а потому неизвестно, как сочетать три службы – двух двенадесятых праздников и обновления храма, да и в церкви нет еще ни одного образа и входа еще даже не сделано.

Выходит Мантуров.

Мантуров: Позвал меня батюшка Серафим и сказал, что если церковь не будет освящена в этот день, то так и останется неосвященной вплоть до будущего года и опять же до праздника Преображения Господня, в который должна она быть освящена, потому что Господу так угодно! А, что чело-

веку невозможно, то Господу подвластно всегда и во всём!

Мотовилов: Да, Михаил Васильевич это знал. Отправил батюшка от своего же имени Мишеньку в Нижний, прося там Благовещенского монастыря архимандрита Иоакима приехать и непременно в этот день Преображения Господня освятить храм. Он передал слова Серафима, что так Господу угодно!

Мантуров: Я поехал, и что же? Как же то не чудо! Ведь знал дивный батюшка Серафим, кому и поручить столь затруднительное дело. Архимандрит Иоаким был первый, что называется, уставщик, а потому и нашёл действительно возможным всё исполнить по батюшкиному желанию, то есть, совокупив все три службы вместе, освятить храм в положенный на то батюшкой день. Так как устава на такой случай не было, Иоаким сам написал и составил его на эти службы, дабы соединить стихиры двух двенадцатых праздников вместе и с обновлением храма.

Мотовилов: Михаил Васильевич, по благословению батюшки Серафима, выхлопотав разрешение у Нижегородского преосвященного Афанасия, возвратился доложить батюшке.

Выходит Архимандрит.

Мотовилов: Приехал и архимандрит, а в храме-то нет ни иконостаса, ни даже входа!.. Как быть?

Выносят образа и лестницу.

Мантуров: Привезли уже наскоро два местных образа из села Лемети, кое-как приделали вход в храм, по приставленной лесенке. Желание батюшки Серафима было исполнено.

Архимандрит освещает Храм.

Мотовилов: Храм освятили Рождеству Христову и в самый день Преображения Господня! Таково было основание и сооружение верхней Рождественской церкви, по благословению Нижегородского преосвященного епископа Афанасия и по опробованному плану строительного комитета, в связи с колокольной Казанского храма.

Архимандрит, Мантуров уходят.

Явление Двадцать Седьмое. Воротилов.

Негромко звуки природы, пение птиц.

На сцене прогуливается Мотовилов.

Мотовилов: Молитвы старца Серафима были так сильны пред Богом, что есть примеры восстановления болящих от одра смерти. Так, в мае 1829-го года сильно заболела жена Алексея Гурьевича Воротилова, жителя села Павлово Горбатовского уезда. Воротилов же имел большую веру в силу молитв отца Серафима, и старец любил своего ученика и наперсника.

Выходит Воротилов.

Воротилов: (издалека, подходя смотрит на часы) Полночь.

Воротилов подходит.

Мотовилов: Батюшка спросил у Алексея Гурьевича, почему тот поспешил в столь позднее время к убогому Серафиму?

Воротилов плачет.

Воротилов: Помощи просил у Батюшки, спасти молитвой болящую жену. Но отец Серафим отвечал, что к величайшей скорби жена должна умереть от болезни.

Алексей Гурьевич, обливаясь потоком слёз, падает на колени.

Воротилов: Умолял, Батюшку, помолиться о возвращении ей жизни и здоровья.

Мотовилов: Старец тотчас погрузился в умную молитву минут на десять, потом открыл очи свои и поднял Воротилова на ноги.

Воротилов: Серафим радостно сказал мне, что Господь дарует супружнице живот. И отправил домой.

Воротилов стремительно уходит.

Мотовилов: С радостью Воротилов поспешил домой. Здесь он узнал, что жена его почувствовала облегчение именно в те минуты, когда старец пребывал в молитвенном подвиге. Вскоре же она и совсем выздоровела.

Негромко звуки природы, пение птиц.

На сцене прогуливается Мотовилов.

Явление Двадцать Восьмое. Церковь Богородицы.

Негромко звуки природы, пение птиц.

На сцене прогуливается Мотовилов.

Мотовилов: Но храмом Рождества Христова ещё не все чудеса батюшки Серафима кончились; нет, вот что дальше было. Почти тут же, как только уехал архимандрит, потребовал батюшка Серафим к себе Михаила Васильевича Мантурова.

Выходит Мантуров.

Мантуров: Вызвал меня Батюшка и говорит: «Худо мы, батюшка, с тобой сделали; ведь мы храм-то во имя Рождества Спасителя выстроили, а во имя Богородицы церкви-то у нас с тобой и нет! А Царица-то Небесная, батюшка, прогневалась на меня, убогого Серафима, и говорит: «Сына Моего почтил, а Меня позабыл!» – и продолжил старец, – Так вот что и удумал я, батюшка, нельзя ли нам это исправить; нельзя ли внизу-то нам с тобой под церковью ещё церковь сделать?»

Мотовилов: Смутился Михаил Васильевич, не знал как?! К тому и места мало, да и ход туда, под крыльцо, как лазейка!.. Разве подкопать землю?

Мантуров: Старец Серафим, выслушав меня, ответил: «Как ты хорошо удумал! Схлопочи-ка, батюшка, и будут у нас две церкви с тобой, и Царица-то Небесная не прогневется на нас, да вот возьми-ка, я тебе и меру приготовил!» И подал мне нитку, добавив: «Если место как раз по ней выйдет, то можно будет устроить придел и Царице Небесной!»

Мантуров отходит вглубь сцены.

Выходят рабочие.

Мантуров с рабочими что-то обсуждают.

Мотовилов: Перетолковав вместе с Батюшкой обо всём, уехал Михаил Васильевич. С рабочими дивились только батюшке Серафиму, но, видя, что иначе нельзя ничего сделать, как подкопать землю под церковь, Михаил Васильевич приказал копать. Когда же был готов подкоп и Михаил Васильевич стал по мерке, данной батюшкою Серафимом, вымеривать подкоп, то он пришелся в раз по этой мерке.

Мантуров. Рабочие стоят в глубине сцены.

Мантуров: Свод потолка очень полог и низок, все увидели, что ему иначе нельзя держаться будет, как поставив че-

тыре четырехугольных же здоровых каменных столба, которые своею массивностью весьма утеснят церковь, и без того маленькую, низенькую, почти что в земле вырытую.

Мотовилов: Старец поблагодарил Мишеньку. Благословил строить эту новую церковь.

Мантуров: Батюшка Серафим радостно воскликнул: «Во, во, радость моя! Четыре столба – четверо мощей! Четыре столба – четверо мощей! Радость-то нам какая, батюшка! Четыре столба – ведь это значит, четверо мощей у нас тут почивать будут! И это усыпальница мощей будет у нас, батюшка! Во, радость-то нам какая! Радость-то какая!»

Мантуров и рабочие уходят.

Мотовилов: И с неизъяснимой, неземной радостью, грешному и всем, кто ни приходил к нему, восклицал батюшка, угодник Божий: «Четыре столба-четверо мощей!»

Негромко звуки природы, пение птиц.

Явление Двадцать Девятое. Заповедь насчет Рождественских Церквей.

Негромко звуки природы, пение птиц.

На сцене прогуливается Мотовилов.

Мотовилов: Батюшка Серафим дал заповедь насчет Рождественских Церквей. (обращаясь к залу): «В верхней церкви Рождества Христова постоянно, денно и ночью гореть неугасимой свече у местной иконы Спасителя, а в нижней Рождества Богоматери церкви неугасимо же денно и ночью теплиться лампаде у храмовой иконы Рождества Богоматери. Денно и ночью читать Псалтирь, начиная с Царской Фамилии, за всех благотворящих обители в этой же самой нижней церкви, 12-ю на то нарочито определёнными и переменяющимися по часу сёстрами, а в воскресенье неопустительно всегда перед литургией служить Параклис Божией Матери весь нараспев, по ноте. Она вечно будет питать вас! И если эту заповедь мою исполните, то всё хорошо у вас будет, и Царица Небесная никогда не оставит вас. Если же не исполните, то без беды беду наживёте».

Негромко звуки природы, пение птиц.

Явление Тридцатое.

Покупка Земли.

Негромко звуки природы, пение птиц.

На сцене прогуливается Мотовилов.

Мотовилов: По построении Рождественских церквей в Дивееве отец Серафим занялся приобретением земли под будущий собор, о котором он столько предсказывал сиротам своим. Для этого он опять призвал своего верного послушника и друга, Михаила Васильевича Мантурова. Дав поручение вымерить и пометить землю, принадлежавшую в чрезполосном владении господину Жданову, недалеко от Казанской церкви.

Выходит Жданов.

Жданов: А Елене Васильевне поручил съездить в город Темников, ко мне, к хозяину этой земли Егору Ивановичу Жданову и купить эту землю за триста рублей. Отдать Жданову эти деньги Батюшкины и привезти бумажный акт на землю!

Жданов в руках держит деньги.

Мотовилов: Батюшка Серафим, говорил: «Святой царь Давид, когда восхотел соорудить храм Господу на горе Мории, то гумне Орны туне не принял, а заплатил цену; так и здесь. Царице Небесной угодно, чтобы место под собор было приобретено покупкою, а не туне его получить».

Батюшка бы мог выпросить земли, но это Ей не угодно!

Жданов: Как?! (обращается к залу) Хотите, чтобы я продал этот столь малый и единственно мне принадлежащий клочок земли дивному Серафиму! Полноте, вы шутите, вероятно, берите даром! Но Елена Васильевна мне напомнила, знаменательные слова старца: Царице Небесной угодно, чтобы место под собор было приобретено покупкою, а не туне его получить.

Мотовилов: Жданов, крайне удивленный, хотя и нехотя, но беспрекословно, не смея ослушаться, принял присланные ему деньги и выдал на землю купчую. Тут произошло чудо, о котором Егор Иванович впоследствии лично рассказывал игуменье Марии.

Жданов (обращаясь к залу): В то время, после смерти родителей, у меня осталась большая семья, так что я был принуждён, как старший, выйти в отставку, чтобы воспитать всех и добыть им насущный кусок хлеба. Все дела были страшно запутаны, и пришлось переживать большую нужду и бедность. Как раз в это время приехала от батюшки Сера-

фима Елена Васильевна Мантурова и насильно вручила триста рублей за землю. Непонятно, сверхъестественно начали с этих денег устраиваться дела мои, и Бог помог всех устроить. Кто вышел в люди, кто женился, кого замуж выдали...

Жданов уходит.

Явление Тридцать Первое. Купчая.

Негромко звуки природы, пение птиц.

На сцене прогуливается Мотовилов.

Мотовилов: Елена Васильевна выполнила поручение полностью, деньги отдала Егор Ивановичу, привезла купчую. Отец Серафим был очень рад, попросил списать с неё копию, а настоящую бумагу велел матушке хранить бережно до самой смерти, а потом передать Михаилу Васильевичу. Предвидя всё прозорливым оком, он умолял Михаила Васильевича всеми силами сберечь и сохранить эту землю для постройки собора, когда придёт тому время. «На то она так и драгоценна, батюшка, что в то время нам крайне понадобится!» – сказал старец.

Негромко звуки природы, пение птиц.

Явление Тридцать Второе. Лампады.

Негромко звуки природы, пение птиц.

На сцене прогуливается Мотовилов.

Мотовилов: В молитве за усопших и живых особенное значение имели восковые свечи, горевшие в келии Серафима пред святынею.

Подходит к Келье.

Мотовилов: (обращаясь к залу) Я, увидевши у батюшки много лампад, в особенности многие кучи восковых свеч, и больших, и малых, на разных круглых подносах, на которых от таявшего много лет и капавшего со свеч воска образовались как бы восковые холмики, подумал про себя: для чего это батюшка Серафим возжигает такое множество свеч и лампад, производя в келии своей нестерпимый жар от теплоты огненной? А он, как бы заставляя мои помыслы умолкнуть, сказал мне:

"Вы хотите знать, ваше боголюбие, для чего я зажигаю так много лампад и свеч пред святыми иконами Божиими? Это

вот для чего: я имею, как и вам известно, многих особ, усердствующих ко мне и благотворящих мельничным сиротам моим. Они приносят мне елей и свечи, и просят помолиться за них. Вот, когда я читаю правило своё, то и поминаю их сначала единожды. А так как, по множеству имён, я не смогу повторять их на каждом месте правила, где следует, тогда и времени мне не достало бы на совершение моего правила, то я и ставлю все эти свечи за них в жертву Богу, за каждого по одной свече, за иных – за несколько человек одну большую свечу, за иных же постоянно теплою лампады; и, где следует на правиле поминать их, говорю: Господи, помяни всех тех людей, рабов Твоих, за их же души возжёт тебе аз, убогий, сии свещи и кандила. А что это не моя, убогого Серафима, человеческая выдумка или так, простое моё усердие, ни на чём божественном не основанное, то и приведу вам в подкрепление слова Божественного Писания. В Библии говорится, что Моисей слышал глас Господа, глаголавшего к нему: «Моисее, Моисее! Рцы брату твоему Аарону, да возжигает предо Мною кандила во дни и в ночи: сия бо угодно есть предо Мною, и жертва благоприятна Ми есть».

Замолчал.

Мотовилов: Спустя минуту, отец Серафим, продолжал: «Так вот, ваше боголюбие, почему Церковь Божия прияла в обычай возжигать во святых храмах и в домах верных хри-

стиан кандила или лампы перед святыми иконами Господа, Божией Матери, святых Ангелов и святых человеков, Богу благоугодивших».

Негромко звуки природы, пение птиц.

На сцене прогуливается Мотовилов.

Явление Тридцать третье. Земля Канавки.

Негромко звуки природы, пение птиц.

На сцене прогуливается Мотовилов.

Мотовилов: В посту 1829-го года, наконец, пришло официальное распоряжение Баташëвской конторы о жертве трёх десятин земли, по просьбе батюшки Серафима и обещанию генеральши Постниковой Дивеевской обители. Отец Василий свидетельствует, что Серафим был в таком восхищении и в такой радости, что и сказать нельзя.

Выходит Мантуров и о. Василий.

Мантуров: Старец дал кадочку мёда, чтобы все сёстры собрались, и когда обойдут эту землю, то скушали бы мёд с мягким хлебом. Когда же начнут обходить землю, то, ввиду глубокого снега, попросил заpastись камешками и класть их между колышками, расставляемыми землемером.

Выходят сестры. Кладут камушки.

о. Василий: Когда растает снег, колышки упадут и некоторые затеряются или на другое место вода снесёт, а камешки останутся на своём месте.

Выходят начальница Церковно-Казанской обители Ксения Михайловна, Саровский послушник Иоанн Тихонов.
Стоят в глубине сцены.

Мотовилов: Наказ батюшки был, разумеется, исполнен в точности. На торжестве в честь передачи земли присутствовали начальница Церковно-Казанской обители Ксения Михайловна, Михаил Васильевич Мантуров, отец Василий и Саровский послушник Иоанн Тихонов. После этого старец попросил сестру обители Елену Васильевну Мантурову от имени его и Дивеевской общины написать письмо генеральше Постниковой и поблагодарить. Батюшка послал ей от себя в благословение сухариков.

Уходят Саровский послушник Иоанн Тихонов, начальница Церковно-Казанской обители Ксения Михайловна. Остаются Михаил Васильевич Мантуров, о. Василий, Сестры.

о. Василий: Теперь отец Серафим велел опахать эту землю сохой, по одной борозде три раза. Когда же земля высохнет совершенно, то обрыть её канавкой в три аршина глубины и вынимаемую землю бросать вовнутрь обители, чтобы

образовался вал также в три аршина. Для укрепления вала на нем насадить крыжовник. Когда так сделаем, никто через канавку эту не перескочит. Так, что канавка эта – стопочки Божией Матери! Тут её обошла Сама Царица Небесная! Эта канавка до небес высока! Землю эту взяла в удел Сама Госпожа Пречистая Богородица! Тут у батюшки, и Афон, и Киев, и Иерусалим! И как Антихрист придёт, везде пройдёт, а канавки этой не перескочит!

Уходят Михаил Васильевич Мантуров, о. Василий.

Сестры остаются.

Негромко звуки природы, пение птиц.

Мотовилов: Рыли сестры эту канавку до самой кончины батюшкиной; к концу его жизни, по приказанию его, и зимою рыть не переставали; огонь брызгал от земли, когда топорами её рубили, но батюшка Серафим переставать не велел. Когда дело не шло на лад, то приказал хоть на один аршин или хотя бы на пол-аршина рыть, только бы почин сделали, а там после дороют!

Негромко звуки природы, пение птиц.

На сцене прогуливается Мотовилов.

Явление Тридцать Четвертое. Разговор сестёр.

Негромко звуки природы, пение птиц.

На сцене прогуливается Мотовилов.

Сёстры роют канавку.

Анна Алексеевна, Екатерина Егоровна, Прасковья Ивановна, Ксения Васильевна, Домна Фоминична, Феодосия Васильевна.

Старица Анна Алексеевна, одна из первых двенадцати сестёр: Шесть лет жила я на мельнице, куда нас семерых избрал батюшка Серафим, где и поместил жить нас. Тут была я самовидицею следующего чуда. Самое это место, где теперь канавка, ровное и хорошее было место, и на нём-то и приказывал батюшка вырыть канавку, дабы незабвенна была во веки веков для всех тропа, коею прошла Матерь Божия Царица Небесная, в удел Свой взяв Дивеево! Слушать-то сёстры это слушали, да всё откладывали исполнить приказание батюшкино и не зарывали канавку. Раз одна из нас, чередная, по имени Мария, родная сестра покойной Акулины Ивановны Малышевой, ночью, убираясь, вышла зачем-то из кельи и видит: батюшка Серафим в белом своем балахончике сам

начал копать канавку.

Молчание.

Анна Алексеевна: (продолжает) В испуге, а вместе – и радости, не помня себя, вбегает она в келью и всем нам это рассказывает. Все мы, кто в чем только был, в неописанной радости бросились на то место и, увидав батюшку, прямо упали ему в ноги, но, поднявшись, не нашли уже его, лишь лопата и мотыжка лежат перед нами на вскопанной земле. С аршин была уже она на том самом месте вырыта. Поэтому-то самому и называется это началом канавки, так как сам батюшка, видя нерадение и небрежение наше к исполнению заповеди его, начал её. Тут уже все приложили старание, и так как очень торопил с этим делом батюшка, то даже и лютой зимой, рубя землю топорами, всю своими руками, как приказывал он, выкопали сестры эту святую, заповедную нам канавку; и лишь только окончили, скончался тут же и родимый наш батюшка, точно будто только и ждал он этого.

Монахиня Евдокия (Екатерина Егоровна одна из двенадцати первых сестер): Была я у батюшки, и, поработав, ночевала в пустынке, не пустил он меня, а наутро-то, чуть свет, и посылает: «Гряди, гряди, – говорит, – матушка, скажи девушкам, пусть сегодня начинают канавку рыть; я был там и сам начал её!» Иду дорогой да думаю: как же это батюшка-то говорит, что был? Должно быть, ночью ходил. Прихо-

жу, и рассказать-то ещё не успела, а сестры встречают меня, рассказывают друг дружке, как на заре видели батюшку-то, как, обрадовавшись, бросились было к нему, а он и пропал, вдруг стал невидим! А я-то своё рассказываю им. Мы с канавкой-то всё медлили, а тут уже, все, дивясь такому чуду, уразумели, что сам батюшка назначил этот день, потому сам и начал. И уже не откладывая более, тут же принялись все рыть заповедную канавку.

Ксения Васильевна (монахиня Капитолина): О канавке говорил мне батюшка, да и всем говаривал, что потому она так вырыта, что это самая тропа, где прошла Царица Небесная, взяв в удел Себе обитель. Тут стопочки Царицы Небесной прошли! «Стопочки Царицы Небесной, матушка!» – так, бывало, и задрожит весь, как это говорит-то. «Она, Матерь-то Божия, всё это место обошла, матушка! Вы и землю-то, когда роете, не кидайте так и никому не давайте, а к себе же в обитель, в канавку-то и складывайте! И скажу тебе, матушка, кто канавку с молитвой пройдёт да полтораста Богородиц прочтёт, тому всё тут: и Афон, и Иерусалим, и Киев!»

Старица Прасковья Ивановна: «У вас канавку вырыть надо! – раз так-то заботливо говорит мне батюшка Серафим. – Три аршина чтобы было глубины и три аршина ширины, и три же аршина вышины, воры-то и не перелезут!» «На что, – говорю, – батюшка? Нам ограда бы лучше!» «Глупая, глупая! – говорит. – На что канавку? Когда век-то кончится, сначала станет Антихрист с храмов кресты снимать да монасты-

ри разорять, и все монастыри разорит! А к вашему-то подойдет, подойдет, а канавка-то и станет от земли до неба, ему и нельзя к вам взойти-то, нигде не допустит канавка, так прочь и уйдет!»

Старица Домна Фоминична (монахиня Дорофея): Ещё мирскою я была на Пасху в Сарове у батюшки. Благословив, он послал жить к своим дивеевским девушкам на мельницу, говоря: «Во, матушка, скажу я тебе, какая будет у нас там радость! Земля будет у нас своя, и канавку оброем мы кругом обители! А когда мы её оброем, будут к нам приезжать посетители, глинку-то с неё брать будут у вас на исцеление, и будет нам она вместо золота! Потому радость-то такая, что эту самую землю-то, матушка, ведь Сама Царица Небесная избрала и нам исходатайствовала! В обитель мою много отослал я разных семян моим девушкам, также и много цветов; посеют они их и будут питать те семена, а цветы утешать, и не о чем унывать вам будет!»

Старица Феодосия Васильевна: Страдая падучею болезнью, пришла я к батюшке Серафиму, он и говорит мне: «Ступай, радость моя, в Дивеево, рыть канавку, эту канавку Сама Царица Небесная Своим пояском измерила, так что когда и Антихрист-то придёт, то канавка эта не допустит его туда!» «Батюшка, – говорю я ему, – я ведь больна, вот так-то и так-то!» Выслушав, взял он меня за плечи и, нагнув главу мою, прочитал молитву. Тут же, почувствовав себя совершенно здоровой, я поступила в обитель, и болезнь не возвращалась

ко мне уже более никогда.

Мотовилов: Елена Васильевна Мантурова, несмотря на то что считалась начальницей мельничной обители, трудилась наравне с прочими и рыла канавку. Отец Серафим говорил сестрам: «Вот, матушка начальница-то, госпожа-то ваша, как трудится, а вы, радости мои, поставьте ей шалашик, палатку из холста, чтоб отдохнула в ней госпожа-то ваша от трудов!»

Сестры уходят.

Негромко звуки природы, пение птиц.

На сцене прогуливается Мотовилов.

Явление Тридцать Пятое. Поездка в Нижний Новгород. Освещение Храма Богородицы.

Негромко звуки природы, пение птиц.
На сцене прогуливается Мотовилов.

Мотовилов: Постройка церкви во имя Рождества Богородицы была окончена летом 1830-го года. Поэтому батюшка Серафим поручил Елене Васильевне Мантуровой и священнику отцу Василию съездить в Нижний Новгород для получения разрешения от архиерея освятить новый храм Рождества Богородицы.

Выходит о. Василий.

о. Василий: Старец Серафим поручил Елене Васильевне изготовить прошение и ехать в Нижний Новгород, да поклониться Владыке в ножки и просфоры от него отдать, а он нам всё и сделает! Мне батюшка Серафим дал указание: приехав, заказать теплый хлеб в булочной, да так, чтобы он был горячий, от него и подать Владыке. И чудной только был батюшка! Год был холерный, ну, куда и как мы поедem... Бог весть!

Но делать нечего, поехали.

Выходит игуменья Крестовоздвиженского женского монастыря, мать Дорофея вместе с сестрой.

Мать Дорофея: (обращаясь к сестре) Владыка по случаю холеры (то была первая холера) никого не принимает, о чём дал даже указ из консистории.

Сестра: Да, матушка, страшная болезнь.

Подходит о. Василий.

о. Василий: Матушка Дорофея, доброго дня.

Мать Дорофея: И вам добрейшего.

о. Василий: Послал нас батюшка Серафим, приказал к Владыке ехать. Для получения разрешения от архиерея освятить новый храм Рождества Богородицы.

Мать Дорофея: Холера в городе, милые мои, не принимает никого Владыка, совершенно невозможно исполнить ваше желаемое.

о. Василий: Не смеем мы послушаться батюшки. К Владыке нам надо.

Молчание.

Мотовилов: Подумав, игуменья мать Дорофея (пишет

письмо) написала и послала Владыке письмо, прося разрешения по весьма важному делу видеть его.

Мать Дорофея отдает сестре письмо. Сестра уходит.

Мотовилов: Владыка прислал ответ: «Чтобы старица не беспокоилась, я сам у неё буду!» Этот ответ поставил игуменью еще в большее затруднение. Прошло несколько дней, а Владыка не ехал, и как ни жалела матушка Дорофея, но сама ехать после ответа Владыки не осмеливалась и писать ему уже не решалась.

о. Василий: Как быть?! Елена Васильевна, предложила невзирая на предостережения, ехать. Помня слова батюшки: «Поклонитесь Владыке в ножки, он вам всё сделает!» – что значило, чтобы мы лично были у архиерея, а батюшке же Серафиму всё хорошо было известно.

Мать Дорофея: Не знаю, как уговаривать, остановить?!

о. Василий: Будь что будет! (обращается к залу) Елена Васильевна взяла просфоры, Батюшкой присланные, и прошение. Я пошёл, из булочной горячий, только что испеченный хлеб взял, как приказал мне батюшка, и также прошение о перемене обветшалого антими́нса. Что же, как батюшке угодно будет, всё так и случится!

Уходит о. Василий. Мать Дорофея смотрит вслед.
Негромко звуки природы, пение птиц.

Мать Дорофея уходит.

Явление Тридцать Шестое. о. Нифонт.

Негромко звуки природы, пение птиц.

Мотовилов.

Выходит о. Нифонт.

Мотовилов: По своему смиренномудрию предваривши настоятеля поклоном, старец Серафим приветствовал его по обычаю иерейскому братскою любовью. Отец же игумен Нифонт, ублажая старца за его подвиги, вместе с тем передал ему мысль братии, которая по строгости своего воззрения не одобряла, что Серафим принимал к себе людей всякого пола и рода, хотя и для спасительного назидания.

о. Нифонт: (обращается к залу) Особливо тем соблазняются, что оказывает милостивое попечение сиротам дивеевским.

Молчание.

Мотовилов: Игумен Нифонт любил и уважал старца Серафима и держал к нему такую речь единственно потому, что братия соблазнялась.

о. Нифонт: Старец снова упал ко мне в ноги. «Не предавайся на будущее время ложным внушениям, – сказал батюшка мне, – И не принимай от братии всякого слова на ближнего без рассуждения. Ты пастырь, – не позволяй же всем напрасно говорить, беспокоить себя и путников, идущих к вечности. Ибо слово твое сильно, и посох, как бич, для всех страшен».

Мотовилов: Старец Нифонт выразил свое согласие на то, чтобы батюшка Серафим не изменял своего направления, и по-прежнему продолжал всех принимать к себе, ради их душевной пользы.

о. Нифонт уходит.

Негромко звуки природы, пение птиц.

На сцене прогуливается Мотовилов.

Явление Тридцать Седьмое. Владыка.

Негромко звуки природы, пение птиц.

На сцене прогуливается Мотовилов.

Входит о. Василий.

Мотовилов: Отец Василий и Елена Васильевна пришли в дом архиерея и стали в прихожей. Решительно никого не было, пустой дом, и везде на окнах хлор. Стояли более получаса, нарочно кашляли, авось кто-либо услышит и выйдет; но никого не было в этом мёртвом доме. Было уже хотели уходить, да вдруг слышали какой-то шорох, остановились, опять нарочно закашляли. Отворилась дверь, и вышел сам преосвященный Афанасий.

Выходит преосвященный.

о. Василий подходит.

Поклонился в ноги.

Преосвященный Афанасий: Это что, каким образом, что за люди?!

о. Василий: Поручил нам батюшка Серафим съездить в

Нижний Новгород для получения разрешения освятить новый храм Рождества Богородицы. Вот, батюшка передать просил.

Передает прошение и просфоры, отдает хлеб.

Владыка всё принял.

Преосвященный Афанасий: Просфоры-то так, а уж хлеб-то никак не из Сарова, а здешний, ибо теплый!

о. Василий: Хлеб этот действительно здесь печён и только что мною взят из булочной, так приказано мне самим батюшкой Серафимом, который без того не велел и являться к Владыке.

Преосвященный Афанасий: (восхищенно) А, теперь понимаю, это по-Златоустовски! Возьмите свечей для молитвы батюшке Серафиму, благословляю вас, ступайте. На счёт всего этого обратитесь к архимандриту Иоакиму в Консисторию, он уже вам всё устроит!

Владыка уходит.

Негромко звуки природы, пение птиц.

Явление Тридцать Восьмое. Ксения Михайловна.

Негромко звуки природы, пение птиц.

На сцене прогуливается Мотовилов.

Выходит Ксения Михайловна.

Ксения Михайловна: (обращается к залу) Сказал мне Батюшка: «Матушка Ксения Михайловна, зная будущее слабое время, слабые силы и слабый народ, оставила непосильный для женской немощи устав Саровской пустыни. Мужчине, и то с трудом лишь вмоготу исполнить!» Поэтому и дал по приказанию ему, убогому Серафиму, Самой Царицы Небесной новый устав обители, более легкий.

Мотовилов: Матушка Ксения Михайловна при своей строго подвижнической жизни отличалась особо сильной любовью и жалостью ко всякой вообще Божией твари. Рассказывают такой случай. В деревне Дивееве рядом с общинкой сделался пожар.

Выходят сёстры.

Сёстры переносят вещи.

Ксения Михайловна вручила послушницам тщательно за-

крытый и завернутый короб, вроде лукошка.

Ксения Михайловна: Смотрите, как можно дальше унесите от пожара этот короб, да оберегите, пока горит-то, тут всё нужное!

Мотовилов: Сестры понесли, но вдруг что-то зашевелилось в коробе, и с испуга они поставили короб на землю, открыть не смеют, боятся, но и ничего не могут понять. Смотрят, а из него начали выпрыгивать разные кошки.

Расхохотались сёстры.

Мотовилов: Но вновь испугались, так как устрашились строгой матушки: как ей сказать, а не сказать тоже нельзя. Наконец пошли и признались.

Ксения Михайловна: Глупые вы, глупые! Ведь сказала я вам, что блажен, аще и скоты милует! Что скот-то – ничто, и весь токмо от единого человека зависит! Ведь если бы не я, бедные сторели бы! Кто ж станет на скота глядеть, заботиться, спасать да тварь оберегать, а она хоть тварь, но все то ж творение Божие! Вот и дала я вам, не сказав, что даю, зная вашу безжалостность!

Уходят.

Негромко звуки природы, пение птиц.

На сцене прогуливается Мотовилов.

Явление Тридцать Девятое. Архимандрит.

Негромко звуки природы, пение птиц.

На сцене прогуливается Мотовилов.

Мотовилов: Отец Василий и Елена Васильевна возвратились в женский монастырь, где в трепете и страхе их ожидали, никто не хотел верить им, зная строгость вообще преосвященного Афанасия, и все дивились, явно уразумевая в этом единое лишь чудо угодника Божия, батюшки Серафима!

Выходят о. Василий и архимандрит Иоаким. Отец Василий представил ему указ о новом освящении.

Архимандрит Иоаким: Да ведь я недавно освятил вам церковь, где же ещё-то освящать?!

о. Василий: Тут же и другую!

Архимандрит Иоаким: Как же! Что вы, батюшка, где же тут-то?

о. Василий: Чудное устройство этой новой церкви, по желанию батюшки Серафима. Ведь храм-то во имя Рождества

Спасителя выстроили, а во имя Богородицы церкви-то у нас и нет! Так вот и удумал, батюшка, внизу-то нам под церковью еще церковь сделать.

Архимандрит Иоаким (всплеснув руками, воскликнул): О, Серафим, Серафим! Сколь дивен ты в делах твоих, старец Божий!

Мотовилов: В это самое время прибежали сказать архимандриту, что Владыка его немедленно требует.

Архимандрит Иоаким: Погодите, что такое, погодите-ка меня здесь, не по вашему ли делу зовет... Кстати, я скажу вам, отпустил ли меня Владыка освящать церковь-то, как батюшка Серафим того желает и как вы мне передали!

о. Василий прогуливается в глубине сцены, архимандрит уходит.

Негромко звуки природы, пение птиц.

Явление Сороковое. Монахиня Серафима.

Негромко звуки природы, пение птиц.

На сцене прогуливается Мотовилов.

Мотовилов: Чудны правдивые рассказы и свидетельства необыкновенно праведных и простых стариц дивеевских, так называемых сирот Серафимовых, с которыми сам великий старец беседовал просто, мудро, откровенно и любовно.

Выходит Старица Прасковья Ивановна (впоследствии монахиня Серафима).

Прасковья Ивановна: Как-то раз сказал мне Серафим: «У вас матушка-то первоначальница, мать Александра, больших и высоких лиц была! Ныне она почивает в мощах, я и поднесь её стопы лобзаю! Вот она обитель заводила, а я её возобновлю! Там будет лавра! А что, матушка, много ли места-то от Казанской церкви, от самого алтаря её, до мельницы?» Да тут десятины три будет, батюшка, – отвечала я. – Но земля-то эта ведь чужая, только в серединке место ваше, что под собор купили, а кругом живут церковники, да хлеб за-

севают мирские». Батюшка продолжал: «А от соборного-то места, матушка, до мельницы далеко ли и хороша ли тут земля?» Земля-то хороша, батюшка, да ведь она не наша! – сказала я. «Ну вот, матушка, по правую-то сторону будет трапеза», – говорил он. Я удивлялась: «Батюшка, да место-то хотя тут и очень большое, и земля-то хороша, но ведь она засеяна мирскими!» Замолчал батюшка, склонил голову. А потом сказал: «Надобно променять!»

Мотовилов: Впоследствии это сбылось, благодетели Дивеева и верные слуги батюшки Серафима Михаил Васильевич Мантуров и я, Николай Александрович Мотовилов, частью скупили чрезполосные владения и частью променяли их.

Старица уходит.

Явление Сорок Первое. Благословение Церкви Богородицы. Холера.

Негромко звуки природы, пение птиц.

На сцене в келье Мотовилов.

о. Василий прогуливается. Быстро входит Архимандрит.

Архимандрит Иоаким: (со входа) Ну уж, Серафим! Дивный Серафим! Вот, судите сами, что наделал-то. Прихожу я к Владыке, а он меня спрашивает: что же, говорит, как же я резолюцию-то сдал? Где же церковь и что за храм?!

Смеются.

Архимандрит Иоаким: Хорошо, что вы уже у меня побывали, да всё объяснили. Ну, и успокоил я Владыку, все передал ему. Скажите дивному Серафиму, что, как пожелает, так и приеду; разрешил Владыка. Ну, дивный же, дивный Серафим!

о. Василий: Хорошо. Батюшка, всё в точности передам. Будем ждать вас.

Уходит Архимандрит.

Остается о. Василий.

Мотовилов: Надо заметить, что по случаю страшной в то время холеры в Нижнем был карантин, и весь город был оцеплен войском. Ни почта, ни люди не пропускались без выдержки карантина.

о. Василий: Как ехать-то, вдруг не пропустят? (обращаясь к залу) Поехали мы мимо караульных солдат, и никто не остановил и не опросил даже нас, точно будто и не видал никто. Так и приехали домой, и невзирая на страшную холеру, пользуясь тем, что все фрукты поэтому были необыкновенно дешевы, покупали их много и кушали не разбирая, а за молитвы батюшки Серафима, возвратились целы и здоровы и ничем невредимы.

Мотовилов: Батюшка Серафим сказал, что в обители не будет холеры. Когда была эта эпидемия повсеместно в округности, даже в деревне Вертьянове и селе Дивееве, в монастыре её не было, так что даже кто из мирских заболел, его приносили в обитель, тот выздоравливал и выживался, а кто из обители без благословения выходил в мир, даже и сёстры, напротив, заболевали и умирали.

о. Василий: Приказание Батюшки было.

Мотовилов: Поблагодарил старец и наказал, чтобы церковь новая во имя Рождества Богородицы была бы и освящена 8 сентября. В этот день и было в 1830-м году соверше-

но освящение Благовещенским архимандритом Иоакимом по желанию батюшки Серафима.

о. Василий: Говорил мне отец Серафим: «Ведь Саров-то только рукав, а Дивеево-то – целая шуба! А хорош ли собор-то у нас, радость моя?» «Хорош, батюшка», – соглашался я. «Хорош, – продолжал батюшка, – как не хорош, очень хорош! А у нас в Дивееве ещё лучше того собор будет! И в соборе у нас-то в Дивееве все иконы, какие только ни есть на всем свете и даже на Афоне, всех явлений Матери Божией, то в соборе все они будут!»

Звуки природы, пение птиц.

Явление Сорок Второе. Тихонов.

Негромко звуки природы, пение птиц.

На сцене прогуливается Мотовилов.

Мотовилов: Начнем только с того, что Иван Тихонов, вкрадчивый, способный, льстивый и тщеславный, по отзывам и теперь живущих в Дивеевском монастыре дивных старлиц, определённых туда самим батюшкой Серафимом, поселил в мельничную обитель свою двоюродную сестру, которой выстроил келью. Под этим предлогом он часто просился в Дивеево и как бы стремился приобрести влияние на сестер.

С разных сторон выходит Мантуров и Тихонов.

Мантуров: Добрейшего дня.

Тихонов: Расскажу вам, батюшка, как я сейчас напугался! Пришла мне вражья мысль выйти из Сарова, и очень смутился я. Пошел я к батюшке, застаю его у источника, сидит он, одна ножка в лапотке, а одна разута, да берестою водицу из источника и на головку, и на ручки, и на ножку поливает. Я смотрю, подошёл и остановился, а он, не оборачиваясь и не поднимая головки, спрашивает, да так-то сурово: «Кто там?» Я испугался и говорю: «Я, убогий Иоанн!» А ба-

тющка-то опять ещё суровее: «Кто там?» – переспрашивает. «Убогий Иоанн, Иоанн убогий!» – говорю я, а сам весь растерялся, все мысли вылетели у меня, подхожу ближе... Батюшка мне и говорит: «Оставь то, что ты задумал! Оставь то, что ты задумал!» И так несколько раз повторил мне, и тут только вспомнил я, с чем шел к батюшке. Не получив благословения выйти из Сарова, я со страхом упал ему в ноги и стал у него просить прощения. «Во, батюшка, о том-то я тебе и говорю! – отвечает батюшка на мои мысли. – Оставь то, что ты задумал! И вот я, Серафим убогий, тебе говорю: если ты когда-нибудь оставишь Саров, то ни здесь, ни в будущем не узришь лица Серафима!»

Мантуров: Вы должны оставаться в Сарове! Стало быть, нет вам на то Божия благословения! Идти мне надо, прошу простить.

Мантуров и Тихонов расходятся.

Тихонов уходит.

Мантуров: Спросил меня Батюшка, кто по дороге встретился? Иван Тихонов – живописец. «Ну вот, – ответил батюшка – будь мне в том свидетель, что, сколько ни уговаривал его оставить, что он задумал, никак не мог уговорить. Так вот, батюшка, – просил старец, – Будь ты мне свидетель, что в душе его я не повинен».

Звуки природы, пение птиц.

Явление Сорок Третье. Мантуров. Куприянов.

Негромко звуки природы, пение птиц.

На сцене прогуливается Мотовилов.

В глубине сцены Мантуров.

Мотовилов: Но вот пришло время расстаться отцу Серафиму с его любимым послушником и другом Михаилом Васильевичем Мантуровым. Началась польская война, и некий генерал Куприянов приехал в Саров испросить благословение старца на предстоящий поход.

С разных сторон выходят Анна Михайловна, Куприянов.

Куприянов: Я очень богат, владею большими имениями, просил Батюшку уступить мне на время похода вас. Умоляю принять должность главноуправляющего.

Мантуров: Господин генерал, я ничего не могу, и никогда не делаю без благословения батюшки.

Мотовилов: Служил Михаил Васильевич верно, жаль отпускать, а отказать нельзя, ведь Куприянов царю нужен. Отпустил послужить Мишеньку человеку ратному, а то мужич-

ки бедные там брошены, совращены расколом, и плохо жить им, бросить их нельзя. Обходиться с ними, по наставлению Батюшки, должно было кротко да хорошенько. Тогда они управляющего полюбят, послушают, исправятся и возвратятся ко Христу! Для того-то больше и посылал, и госпожу-то жену велел взять с собою.

Молчание.

Анна Михайловна: А мне наставление дал, быть женою разумною, ведь он горяч, Мишенька-то. Горячиться-то ему не давать, и чтобы он меня слушался!

Мотовилов: Таким образом, из святого послушания Мантуров отправился с женой в отдаленную губернию спасать заблуждающийся в расколе народ и управлять делами генерала Куприянова.

Уходят. Негромко звуки природы, пение птиц.

Явление Сорок Четвертое. Молитва.

Негромко звуки природы, пение птиц.

На сцене прогуливается Мотовилов.

Мотовилов: Время, которое отцу Серафиму оставалось от сна и занятий с приходящими, он проводил в молитве. Совершая молитвенное правило со всею точностью и усердием

за спасение своей души, он был в то же время великим молитвенником и ходатаем пред Богом за всех живых и усопших православных христиан. Для сего при чтении Псалтири на каждой главе он неопустительно произносил от всего сердца молитвы:

Спаси, Господи, и помилуй всех православных христиан и на всяком месте владычества Твоего православно живущия: подаждь им, Господи, душевный мир и телесное здравие и прости им всякое согрешение, вольное же и невольное, и их святыми молитвами и меня, окаянного, помилуй.

Молчание.

Мотовилов: Упокой, Господи, души усопших раб Твоих: праотцев, отцев и братии наших, zde лежащих и повсюду православных христиан преставившихся: подаждь им, Господи, царствие и причастие Твоея бесконечныя и блаженныя жизни, и прости им, Господи, всякое согрешение, вольное же и невольное.

Явление Сорок Пятое. Имение.

Негромко звуки природы, пение птиц.
На сцене прогуливается Мотовилов.

Мотовилов: В имение генерала Куприянова крестьяне были разорены дурными управителями, поэтому отличались грубостью, недоверчивостью, ожесточенностью, и почти все были вовлечены в раскол.

Выходит Мантуров.

Мантуров: (обращаясь к залу) Помня завет и приказание батюшки, стал обходиться с ними честно, терпеливо, ласково, снисходительно, вместе правдиво и мало-помалу приобрёл такую любовь в них, что недоверие и жестокость исчезли, крестьяне начали стекаться отовсюду, как дети к отцу, совершенно изменились и преобразились из нищих в самостоятельных крестьян.

Выходят крестьяне. Окружают Мантурова. О чем-то говорят.

Мотовилов: Местность этого имения была болотиста и

подвержена злокачественной лихорадке; сам Михаил Васильевич еле остался жив, а народ умирал непрестанно. Он тотчас написал сестре Елене Васильевне, прося сообщить бабушке Серафиму о его болезни и испросить указания его, каким средством избавиться от лихорадки.

Мантуров: (обращаясь к залу) Отец Серафим дал заповедь – никогда ничем не лечиться, ни к каким докторам не обращаться и не принимать никаких лекарств. Елена Васильевна точно исполнила приказание брата и, получив благословение бабушки, написала, что старец велел ничем не лечиться, кроме как есть мякоть теплого хорошо испеченного хлеба.

Мотовилов: Михаил Васильевич был уже до того слаб, что еле мог с великим трудом прожевать кое-как маленький кусочек мякиша, который произвёл сильнейшее слабительное действие, и тем кончилась болезнь. Мантуров, выздоровев, стал лечить таким же образом всех больных и вылечивал. Видя явное чудо, крестьяне решили бросить раскол и возвратиться в лоно своей Церкви.

Мантуров и Крестьяне уходят.
Звуки природы, пение птиц.

Явление Сорок Шестое. Племянник.

Негромко звуки природы, пение птиц.

На сцене прогуливается Мотовилов.

Мотовилов: Однажды замечено было, что во время молитвы старец Серафим стоял на воздухе. Случай этот рассказан княгиней Шихаевой. Приехал как-то к ней из Петербурга больной племянник. Она, не медля долго, повезла его в Саров к батюшке Серафиму. Молодой человек был объят таким недугом и слабостью, что не ходил сам, и его на кровати внесли в монастырскую ограду.

Вносят племянника.

Племянник: Старец в это время стоял у дверей своей монастырской кельи. Приказал внести меня в келью и сказал: «Молись!», и сам стал за меня молиться, указав: «Только смотри, лежи, как лежишь, и в другую сторону не оборачивайся».

Мотовилов: Больной долго лежал, повинуюсь словам старца. Но терпение его ослабело, любопытство подстрекало его

взглянуть, что делает старец. Оглянувшись же, он увидел Серафима стоящим на воздухе в молитвенном положении и от неожиданности и необычности видения вскрикнул.

Племянник: Ааа... Батюшка Серафим, видя моё удивление, строго молвил: «Вот ты теперь будешь толковать, что Серафим – святой, молится на воздухе... Господь тебя помилует... А ты смотри, огради себя молчанием, и не поведай того никому до дня преставления моего, иначе болезнь твоя опять вернется».

Племянник встает с постели.

Мотовилов: Племянник действительно встал с постели, и, хотя опираясь на других, но уже сам на своих ногах вышел из кельи. В монастырской гостинице его осаждали вопросами: «Как и что делал и что говорил батюшка Серафим?» Но, к удивлению всех, он не сказал ни одного слова. Молодой человек, совершенно исцелившись, отбыл в Петербург, и снова через несколько времени воротился в имение княгини. Тут он узнал, что старец Серафим опочил от трудов своих, и тогда рассказал о его молении на воздухе. Один случай такой молитвы нечаянно был усмотрен, но, конечно, старец не один раз благодатью Божией был воздвигаем на воздух во время своих продолжительных молитвенных подвигов.

Звуки природы, пение птиц.

Явление Сорок Седьмое. Смерть Елены Васильевны.

Негромко звуки природы, пение птиц.

На сцене прогуливается Мотовилов.

Мотовилов: Отцу Серафиму было суждено еще при своей жизни потерять любимую дивеевскую послушницу свою Елену Васильевну Мантурову, которую он горько оплакивал. Кончина и последние дни этой великой рабы Божией поистине замечательны! Елена Васильевна незадолго до своей смерти начала как бы предчувствовать, что батюшке Серафиму недолго осталось жить.

Выходит служанка Елены Васильевны Устинья.

Устинья: (обращаясь к залу) «Наш батюшка ослабевает, – говорила мне, своей служанке, Елена Васильевна. – Скоро, скоро останемся без него! Навещать сколь возможно чаще надобно батюшку, недолго уже быть нам с ним!» А про себя она всё твердила: «Я уже не могу жить без него и не спасусь, как ему угодно, не переживу я его. Пусть меня раньше отправят!»

Мотовилов: А старец предвидел, что служанка ранее Елены Васильевны войдет в Царствие-то, да скоро и её с собой возьмет! И действительно, так любившая матушку крепостная девушка Устинья заболела чахоткой.

В противоположенном углу Устинья.

Устинья: Уйти я хотела, не было от меня покоя! Но Елена Васильевна никого не пускала ко мне, сама ходила за мной, от всего сердца. Вдруг я увидела чудный сад с необыкновенными плодами... Мне кто-то и говорит: «Этот сад общий твой с Еленой Васильевной, и за тобой скоро и она придёт в этот сад!»

Мотовилов: Так и случилось. Михаил Васильевич Мантуров заболел в имении генерала Куприянова злокачественной лихорадкой и, как говорилось уже, написал письмо сестре. Призвал батюшка Серафим Елену Васильевну и сказал: «Ты всегда меня слушала, радость моя, и вот теперь хочу я тебе дать одно послушание... Исполнишь ли его, матушка?»

Устинья: Елена Васильевна отвечала: «Я всегда вас слушала, и всегда готова вас слушать!»

Мотовилов: Батюшка продолжил: «Во, во, так, радость моя! Вот, видишь ли, матушка, Михаил Васильевич, братец-то твой, болен у нас, и пришло время ему умирать... Умереть надо ему, матушка, а он мне ещё нужен для обители-то нашей, для сирот-то... Так вот и послушание тебе:

умри ты за Михаила-то Васильевича, матушка!» – сказал Батюшка Серафим.

Устинья: Спросила благословения Батюшки Елена Васильевна. И говорила: «Батюшка! Я боюсь смерти!»

Мотовилов: Отец Серафим после этого долго-долго беседовал с ней, услаждая её сердце рассказами о будущей вечной жизни. «Что нам с тобой бояться смерти, радость моя? – говорил Батюшка. – Для нас с тобой будет лишь вечная радость!»

Молчание.

Мотовилов: Похоронили Елену Васильевну рядом с могилой первоначальницы матушки Александры, с правой стороны Казанской церкви. В эту могилу не раз собирались похоронить многих мирских, но матушка Александра, как бы не желая этого, совершала каждый раз чудо: могила заливалась водой и хоронить делалось невозможным. Теперь та же могила осталась сухой, и в неё опустили гроб праведницы и молитвенницы Серафимовой обители.

Устинья уходит.

Явление Сорок Восьмое. Мотовилов.

Негромко звуки природы, пение птиц.

На сцене прогуливается Мотовилов.

Мотовилов: 3 сентября 1832-го года я, Николай Александрович Мотовилов, приехал в Саров опять заболевший.

Молчание.

Мотовилов: (обращается к залу) Когда в мае месяце 1832-го года поразила меня тяжкая душевная скорбь, то я снова подвергся болезни и отнятию по-прежнему ног. Страдавши в течение четырех месяцев, услышал я об открытии в Воронеже святых мощей святителя Митрофания и о святости жизни тамошнего епископа Воронежского Антония, почему и пожелал я ехать туда, а хоть по совету родных и ближе 200 верст было бы ехать мне через Пензу из Симбирского имения, но, помня великие милости Господни, через великого старца Серафима явленные мне, велел я везти себя через Саровскую пустынь в Воронеж. Хотел прежде всего ему первому заявить о моем втором бедствии, что и сделал я, приехав

3 сентября 1832-го года в Саров. Когда же пришел к нему, то он отечески принял во мне участие.

Молчание.

Мотовилов: «Помолимся Господу – сказал батюшка, – чтобы Он возвестил нам: ему ли по-прежнему исцелить тебя или отпустить в Воронеж».

Молится.

Мотовилов: И ответил отец Серафим, что Господь и Божия Матерь в ночь сию ему всю мою жизнь открыли от рождения и до успения. Служить Дивеевской обители.

Выходят две сестры мельничной общины: Евдокия Ефремовна Аломасовская, бывшую при явлении Божией Матери в день Благовещения 1831-го года (впоследствии монахиня Евпраксия), и Ирина Семеновна Зеленогорская, бывшую впоследствии третьей начальницей.

Берутся за руки.

Евдокия Ефремовна: Сказал нам батюшка: «Вы не только сами после моей смерти обо всем подробно расскажите Николаю Александровичу, что, где и как Божия Матерь заводила через меня, но чтобы и сёстры все ничего от него не

скрывали, потому что Божией Матери угодно, дабы Николай Александрович был назначен писателем обители». По воле Царицы Небесной Николай Александрович все знал об обители также подробно, как известно самому отцу Серафиму.

Ирина Семеновна: Завещал Батюшка Серафим Николаю Александровичу быть в своё время свидетелем всего, что делалось в Дивееве при «убогом Серафиме», и засвидетельствовать, что даже всё строение, найденное после смерти его, выстроено было им, по назначению и указанию Царицы Небесной. И камешка одного он, убогий Серафим, самопривольно у них не поставил!

Мотовилов: (отходит, обращается к залу) И, давши мне заповедь о служении своим мельничным сиротам, отпустил меня с миром в Воронеж, куда я прибыл в 19-й день сентября 1832 года, а потом в ночь на 1 октября и на праздник Покрова Божией Матери получил я от этой вторичной болезни совершенное и скорое исцеление, молитвами Антония, епископа Воронежского и Задонского.

Пауза.

Мотовилов: Грозное и тяжёлое будущее предстояло дивеевским сестрам после смерти их отца, великого праведника Серафима!

Уходят.

Звуки природы, пение птиц.

Явление Сорок Девятое. Тихонов и Куприянов.

Негромко звуки природы, пение птиц.

На сцене прогуливается Мотовилов.

Мотовилов: Иван Тихонов, сознавая, какой авторитет имеет Михаил Васильевич для Серафимовой Мельнично-девической общинки, понял, что в задуманных им честолюбивых планах Мантуров всегда будет главной помехой, и, не задумываясь, решил либо удалить его, отстранив от общины, либо же совсем погубить.

Выходит Генерал Куприянов и Тихонов.

Куприянов: Извольте, Боже правый, не может быть?!

Тихонов: Может, уверяю вас, может.

Куприянов: Не может быть.

Тихонов: Господин генерал, Мантуров грабитель общины. Всё делает, чтобы помешать её развитию.

Куприянов: Какой ужас, как могло такое быть? Он казался достойным человеком.

В другом конце сцены появляется Мантуров. Тихонов, Куприянов смотрят на Мантурова.

Мотовилов: Михаил Васильевич был с позором, без копейки денег выгнан из имения. Терпя голод, почти пешком, Михаил Васильевич с женой возвратился в Дивеево.

Мантуров: Получил я указ от Батюшки, по возвращении из имения генерала Куприянова никуда не выезжать из Дивеева.

Куприянов и Мантуров уходят. Звуки природы, пение птиц.

Явление Пятидесятое.

Тихонов и братия.

Негромко звуки природы, пение птиц.

На сцене прогуливается Мотовилов.

Тихонов ходит по сцене.

Мотовилов: Тихонов весьма тяготился тем, что Саровский игумен и старшая братия не удостоивали его повышения, и всё держали в звании послушника и канонарха, по сему он не мог ни благословлять, ни исповедовать своих дивеевских сестер. Оставить и выйти из Сарова было страшно Ивану Тихонову после запрещения отца Серафима и предсказания, что в случае выхода он не узрит лица Серафимова ни тут, ни на том свете и никогда уже не вернётся в Саров.

Тихонов: (обращаясь к залу) Приказание великого старца Серафима не покидать Сарова, однако, стесняло мои действия и парализовывало влияние на Дивеево. Решился скинуть с себя это необходимое для монашествующего подчинения. Стану строителем, попечителем, духовником и благочинным Дивеева.

Мотовилов: Петербургские покровители его поддержали, и Священный Синод запросил преосвященного епископа

Тамбовского Николая: «Почему монах Иоанн Тамбовский, находящийся в Саровской пустыни, до сих пор не посвящён в иеромонаха?»»

Выходит Игумен.

Выходит Игумен (читает ответ): В пустыни нет никакого монаха Иоанна, а есть только рясофорный послушник, канонарх Иван Тихонов Тамбовский, который такого самовольного поведения, что если не переменит образа жизни и характера своего, то, по общепринятым положенным правилам и уставам оной пустыни, никогда не может быть пострижен в монахи от общежительного пустынного братства.

Уходит.

Мотовилов: Этот самый «общебратственный» Саровский рапорт преосвященный Николай отправил в Синод, вместо своего ответа на Указ о немедленном посвящении Ивана Тихонова в иеромонахи. Тогда Синод объяснил лицам, которые ходатайствовали о нём, что если Иван Тихонов желает быть иеромонахом, то должен выйти из Саровской пустыни. Узнав это, лжеученик Серафимов решился послушаться приказания великого старца не покинуть пустынь.

Тихонов уходит.

Явление Пятьдесят Первое. Мантуров, Сестра и о. Серафим.

Негромко звуки природы, пение птиц.

На сцене прогуливается Мотовилов.

Выходит Мантуров. Молится возле Кельи.

Выходит сестра Прасковья Степановна, встает за Мантуровым.

Молятся.

Мотовилов: Михаил Васильевич молча и терпеливо переносил возводимые на него клеветы и продолжал подвиг своего служения обители Богоматери. Он безбоязненно с энергией мешал «чуждопосетителю» Ивану Тихонову во всех его посягательствах на уничтожение заповеданного Дивееву святым старцем.

Мантуров: (обращаясь к залу) Когда дела обители пришли в полный упадок, я совершенно пал духом и как бы внутренне упрекал батюшку Серафима, что он допускает это дерзкое и пагубное самоволие.

Прасковья Степановна: Говорил мне Батюшка, что после него, много-много нам будет скорби, но что делать, потерпеть надо, такой уж путь наш!

Уходят.

Явление Пятьдесят Второе. Ушакова.

Негромко звуки природы, пение птиц.

На сцене прогуливается Мотовилов.

Выходит Ушакова.

Мотовилов: 27 декабря 1844-го года прибыла в Дивеевскую обитель девица Елисавета Алексеевна Ушакова, помещица Тульской губернии, 25 лет от роду. Благословен был Господом этот день как для неё, так и для обители! Родившись 30 августа 1819-го года, она была в числе двух сестёр и четырёх братьев в семье светской, готовящейся для беззаботной мирской жизни.

Ушакова: (обращается к залу) Весёлая, любившая музыку, после чтения книг святителя Тихона Задонского вдруг изменилась совершенно и почувствовала призвание к духовной жизни. Трудно было решиться покинуть родительский дом, склонить отца на благословение поступить в монастырь, но при помощи Господа и Царицы Небесной судьба устроилась; родитель дал своё благословение, и не имевшая понятия о монастырской жизни, но знавшая понаслышке о Дивеевской общине и дивной жизни основателя её батюшки Серафима, направилась в этот монастырь, предназначенный для величайших испытаний и трудов.

Мотовилов: В это время была начальницей общины Ирина Прокофьевна. Сёстры жили в тесных и маленьких кельях, а за неимением своего монастырского священника ходили к обедне по праздникам в свои Рождественские церкви, а по будням иногда и в приходскую Казанскую церковь.

Выходит Тихонов.

Тихонов: Вставай петь на клирос, занимайся письменную частью, веди отчёты, учись живописи.

Ушакова: Хорошо.

Выходят два крестьянина. Выносят дрова.

Крестьянин: (стучит) Слышь, дровяная казначейша, принимай да расчёт подавай!

Елисавета Алексеевна подходит, принимает дрова.

Уходят.

Явления Пятьдесят Третье. Земля.

Негромко звуки природы, пение птиц.

На сцене прогуливается Мотовилов.

Выходит Тихонов.

Мотовилов: Земля, купленная отцом Серафимом для летнего собора, была без употребления, и весь материал, приобретённый для него на пожертвованные деньги, истрачен был Иваном Тихоновым при постройке Тихвинской церкви.

Но, наконец, настал день, определённый Господом для разрешения этого вопроса!

Тихонов: (обращается к залу) Со временем память о мельничной обители отца Серафима уйдёт. Пора мне основать свой собственный монастырь. Построю собор не на купленной батюшкой Серафимом земле, а в трёх верстах от обители, на пустоши Ломовка, где был небольшой лесок и речонка.

Выходит Владыка Иаков.

Тихонов: Земля, ранее предназначенная под собор, вся изрыта «дудками», из которых добывали прежде железную руду, и ввиду этих подземных ходов немислимо строить тя-

жёлый каменный собор – земля осядет, и всё здание может разрушиться в один прекрасный день.

Владыка: Что ты предлагаешь?

Тихонов: На пустоши Ломовка можно устроить Дивеевский скит, и там гораздо лучше и безопаснее строить собор. Я и место очистил под собор в трех верстах от Серафимовой обители.

Владыка: Я не согласен перенести весь монастырь с места первоначального устройства.

Мотовилов: Тогда Иван Тихонов выбрал место не в обители, а в поле, действительно изрытом дудками, и опять начал готовить к закладке собора.

Владыка, Тихонов, выходит Бетлинг.

Явление Пятьдесят Четвёртое. Бетлинг.

Негромко звуки природы, пение птиц.

На сцене прогуливается Мотовилов.

Владыка, Тихонов, Бетлинг.

Бетлинг: (обращается к Владыке) Ваше Преосвященство, милостивый Архипастырь! Исполняя сделанное мне Вашим Преосвященством поручение, я обходил местность, на которой предполагаются оградные стены, корпуса, собор и вообще каменные здания Дивеевской общины. По соображении местности с землемерным планом я нахожу необходимым донести Вашему Преосвященству следующее: первое – землемерный план обозначает много менее противу настоящего ту часть земли, которая занимается рудными дудками или подземными ходами. Отдельные же дудки вовсе не обозначены на плане, что и вероятно, ибо сверху зарытые ямы и подземные ходы, не делая препятствия хлебопашеству, не обращают оттого внимание землемера, но могут вредить тяжёлым строениям; второе – а потому, чтобы с благонадежностью на будущее отдаленное время распланировать на бумаге, а не прямо на рудной местности, в симметрическом по-

рядке каменные здания, необходимо иметь самый верный и подробный план местности, в коем с математической точностью должны быть обозначены одной полосой сплошные дудки, а сверх сего должны быть определены и дудки отдельные, находящиеся иногда в значительном расстоянии от прочих.

Мотовилов: Положим, что над этими дудками или ходами лежит огромный слой земли, от 8 до 15, 20 и более сажен, но если были внизу постепенные обвалы или искусственные прорывы за рудой вверх, что слой этот утончился, а прорытая от 2 до 3 аршин канава фундамента, отягощённая громадной тяжестью, например, собора, проляжет вдоль такого хода, то кажется вероятным, что строение на сём месте со временем даст трещину или будут, Боже сохрани, ещё худшие последствия.

Бетлинг: При сём, как я осмеливаюсь полагать, воображая о будущем общины, о её каменных зданиях, следует также иметь в виду, что в материальном отношении всё пространство земли, долженствующее вместить громадные стены и сохранить на себе миллионные здания на долгие годы, ценится в настоящее время менее 2000 рублей серебром. Таким образом, 10-рублевый лоскут земли этой может поглотить более чем в 100 тысяч строение. Следовательно, если в 1000 удач поместится одна тяжёлая неудача, то и в этом

случае будет пропорция невыгодна, а предположение рискованно.

Мотовилов: К тому же эта местность не имеет ни особой красоты, ни необходимости для постройки; а уважаемые общинниками местечки могут и в других случаях попасть в ограду.

Бетлинг: Препровождаю при сём в благоусмотрение Вашего Преосвященства землемерный план, взятый из Дивеевской общины, в коем, по возможности, обозначены карандашом мои замечания, каковой по миновании надобности не оставьте возвратить. По исполнении от особы Вашего Преосвященства поручения, сколько позволяли мои понятия и возможность, я не считаю лишним представить в благоусмотрение Ваше слышанное мной от жителя села Дивеева господина Мантурова. Он говорил, что будто бы господин Мотовилов желал предоставить общине каменную церковь села Дивеева, около которой лежит прах первоначальницы общины, а в замену для прихожан выстроить в селе Дивееве новую. Конечно, слова эти требуют основательных фактов.

Звуки природы, пение птиц.

Владыка уходит.

Тихонов: (общается к залу) Но я успел опровергнуть до-

воды исправника Бетлинга, и преосвященный Иаков согласился всё-таки на моё предложение.

Мотовилов: 30-го января казначея Дивеевской обители Юлия Маккавеева писала исправнику Бетлингу: «По благословению преосвященного Владыки, спешу уведомить вас, что план наш на Дивеевскую дачу преосвященнейший от вас получил и за скорое исполнение приносит вам благодарность, и что преосвященнейший Владыка на ваше письмо сам будет отвечать. План сей мы уже получили через батюшку Иоанна Тихонова, который на ваши замечания Владыку успокоил, и батюшка свидетельствует вам своё глубочайшее почтение».

Бетлинг: (обращаясь к залу) Несмотря на такие разительные доказательства, в моём письме обозначенные, о неудобстве избранного под собор места, преосвященный Иаков, руководимый тогда монахом Иваном Тихоновым, вообще с арзамасским помещиком Иваном Егоровичем Карауловым и каким-то с ними ещё гражданским инженером, порешил приказанием вырыть канавы под фундамент на избранном ими месте, а меня просил через казначею общины прибыть на освящение в Дивеево.

Мотовилов: Владыка поручил сказать, что на рудных колодцах предположено устроить кирпичные своды, что его и успокоило. Следует заметить, что это место было второе под собор, предположенное вопреки определению старца Серафима. Первое было назначено в ближайшем к Дивееву леске,

куда Иван Тихонов предполагал перевезти всю тогдашнюю общину, а с ней и постройку собора. Был слух, что общину он предполагал назвать «Ивановской». Весьма красивый для сего план был им представлен преосвященному Иакову, который его показывал и утвердительно объяснил, что на перевод собора и общины в лес он не согласился. План этот, вероятно, хранится в Архиерейском архиве.

Негромко звуки природы, пение птиц.

На сцене прогуливается Мотовилов.

Явление Пятьдесят Пятое. Спор.

Негромко звуки природы, пение птиц.

На сцене прогуливается Мотовилов.

Мотовилов: 3 июня 1848-го года в Дивеевскую обитель прибыл преосвященнейший владыка Иаков, епископ Нижегородский и Арзамасский, для закладки собора в сопровождении протоиерея Нижегородского Крестовоздвиженского женского монастыря. Его встретили: исправник Бетлинг, помещик Караулов, инженер, Иван Тихонов, князь Енгальчев и съехавшиеся на празднество гости. Преосвященный остановился в моём доме.

Выходят Владыка, Протоиерей, Тихонов, Бетлинг, помещик Караулов, инженер, князь Н. А. Енгальчев

Бетлинг: Владыка, считаю своим долгом ещё раз лично доложить о неудобстве местности, выбранной для собора. Прошу прощения, но осмелюсь напомнить о воле отца Серафима, именем которого устраивается и содержится община.

Владыка: Отец Серафим человек неофициальный, а мы имеем официальный план.

Иван Тихонов: Владыка, много Вам ещё скажут, Михаил

Васильевич Мантуров тоже будет в их числе. Он главный помощник отца Серафима, недоброжелателен он к возрастающей Дивеевской обители.

Владыка: Дорога на приготовленное место для закладки собора ужасна, разрытое дудками поле привело меня в ужас.

Тихонов: Помилуйте Владыка, всё же хорошо.

Владыка: Хорошо-то хорошо, но если мы построим тут собор, чтобы служить в нем и молиться, то сюда же должна будет перенестись и обитель. Где же будет тогда начатая Серафимом и свыше ему указанная обитель?

Иван Тихонов (молчание)

Владыка, Караулов, инженер и Иван Тихонов, Бетлинг, Протоиерей рассматривают план.

Мотовилов: Рассмотрев план, они назначили третье по счету место для закладки собора. Иван Тихонов, Караулов и инженер отправились с планом на местность, выбранную ими в третий раз под собор.

Караулов: Увы, оказывается, что земля завалена вся кирпичами, заготовленными к стройке, бутовым камнем, и нет возможности успеть перевезти материал на другое место. А время уже клонится к вечеру.

Владыка, Караулов, инженер и Иван Тихонов, Бетлинг, Протоиерей рассматривают план.

Бетлинг: Это проявление воли Божией. Ну, посмотрим, как отец Серафим доведёт собор до своего места!

Протоиерей: Да, это будет чудо, Вы знаете, какой характерный преосвященный!

Бетлинг: (обращается к Владыке): Владыка, Михаил Васильевич Мантуров, ближайший друг и помощник Батюшки Серафима, просил покорнейше передать, что Иван Тихонов хорошо знал о настоящем месте, предназначенном для собора отцом Серафимом. Но теперь, недовольный неудачей своего замысла, Тихонов всё-таки не вразумился всем случившимся и вознамерился расчистить и приготовить третье место в поле, за добрую версту от обители. Мантуров, как верный слуга и послушник отца Серафима, счел долгом своей совести заявить Вам, Владыка, что действия Ивана Тихонова не согласны с волей и заветами великого старца и основателя обители.

Молчание.

Негромко звуки природы, пение птиц.

Бетлинг: Совершенно стемнело.

Караулов: Инженеры и рабочие теперь уже весьма недалеко от земли, купленной под собор батюшкой Серафимом, строители начали разбивать линии под стены собора, вешая на кольях фуражки, потому что иначе за темнотою не было

бы их видно.

Мотовилов: Это было уже по счету четвёртое место. Вскоре, однако, Мантурова позвали к преосвященному Иакову, который хотя уже поколебался доверием к действиям Ивана Тихонова, но, предубежденный против Мантурова, всё ещё упорствовал.

Негромко звуки природы, пение птиц.

Явление Пятьдесят Шестое.

Мантуров. Васильев.

Негромко звуки природы, пение птиц.

На сцене прогуливается Мотовилов.

Выходит Мантуров. Останавливается в углу сцены.

Мантуров: (кричит за кулисы): Все сторонники Ивана Тихонова не стоят Серафимова лаптя, и только из одного упрямства делаете назло памяти великого старца!

Мантуров подходит к собравшимся. Кланяется.

Владыка: Чем же ты докажешь правоту своих слов?

Мантуров: Господь ведает, что я говорю вам истину, но не знаю, чем уверить вас в том, разве вот что: призовите, святой Владыко, некоего здесь плотника Ефима Васильева, находящегося в дружбе с Иваном Тихоновым, которого он выучил живописи. Этот плотник еще при жизни батюшки Серафима часто работал в Сарове. Знаю я, что батюшка часто и много говаривал с ним о Дивееве, говорил ему также и о соборе, и если он не захочет связать свою совесть, то должен подтвердить вам правду!

Владыка: Позовите названного им Ефима Васильева.

Выходит Васильев. Кланяется.

Владыка: Работал в Сарове, знал ли отца Серафима, и не говорил ли что-либо старец о соборе в Дивееве?

Васильев: Как не знал! Много говаривал со мною батюшка! А что собора-то касается, ведь он и место под него сам купил. Насчет собора-то вам всего лучше уж спросить Михаила Васильевича Мантурова, потому что ему всё это поручил батюшка, что мне хорошо и доподлинно известно.

Владыка: Хорошо, ступай.

Васильев уходит.

Матовилов: Эта беседа вполне удовлетворила и утвердила преосвященного Иакова. На площади тем временем продолжалось объяснение между строителями и приехавшими на закладку собора разными лицами.

Выходит несколько человек.

Тихонов и Бетлинг подходят к ним.

Громко разговаривают.

Человек: (обращаясь к Тихонову) Согласись, милостивый государь, на избрание местности, указанной великим стар-

цем, учителем и отцом.

Тихонов: Если мельничек сидит в затворенной меленке, разве он может видеть, что делается снаружи мельницы?..

Бетлинг: Есть ещё живые подрядчики, как Ефим Васильев, которые подтверждают, что батюшка Серафим сам купил землю господина Жданова под собор!

Владыка: Что за спор и шум?

Пришедшие подходят к владыке.

Караулов: Всего несколько сажен отделяют место, указываемое Мантуровым, от назначенного вами, Владыка!

Владыка: Ну, если так, то Господь вас да благословит, стройте, где указывает господин Мантуров!

Толпа ЛИКУЕТ!

Вся собравшаяся толпа была довольна этим решением преосвященного Иакова.

Негромко звуки природы, пение птиц.

Владыка: Но как же вырыть канавы для фундамента, когда завтра в 4 часа пополудни назначена закладка?

Человек: Нас съехалось много тысяч! Никто не откажется от сильной работы!

Бетлинг: Я оповещу всех съехавшихся!

Владыка: Помогите.

Громко Радуются.

Явление Пятьдесят Седьмое. Освещение.

Негромко звуки природы, пение птиц.

На сцене прогуливается Мотовилов.

На сцене все те же.

Мотовилов: Работа быстро закипела под руководством дивного послушника батюшки Серафима – Михаила Васильевича Мантурова. Иван Тихонов скрылся и занялся писанием прошения о переводе его из Сарова Тамбовской епархии в Нижегородскую, дабы, согласно указанию Священного Синода, быть постриженным в монахи и посвященным в сан иеромонаха. Он забыл всё, и, мучимый тщеславием и гордостью, добивался одной лишь земной славы.

Мантуров: (обращается к залу) Таким образом, 5 июня 1848-го года совершилась чудом закладка собора, предреченного великим старцем и основателем Дивеева. Такое событие не могло не ознаменоваться каким-нибудь явным проявлением благословения Божия и Царицы Небесной, и действительно, когда преосвященный Владыка возлагал первый камень, то, как святой жизни старец, он вдруг изменился в лице и во всеуслышание, громко воскликнул:

Владыка: «От утра и за утро сей храм воздвигается великим чудом».

Звон колоколов.

Январь 2019